

дамский детектив

Галина
[РОМАНОВА]

ЛЮБИТЕЛЬ
СЛАДКИХ ДЕВОЧЕК

Дамский детектив (ЭКСМО)

Галина Романова

Любитель сладких девочек

«ЭКСМО»

2003

Романова Г. В.

Любитель сладких девочек / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2003 — (Дамский детектив (Эксмо))

ISBN 5-699-09677-9

Сидорова Марь Иванна... Стоит ли жить с таким именем? Стоит ли пытаться быть счастливой? Особенно если злодейка-судьба занесла тебя в стан воров, убийц, злостных хулиганов, карточных шулеров. От таких пощады не жди! Так оно и вышло. К Маше пытается приставать бандит Федька, которому она прилюдно отвешивает пощечину, после чего ожидает расправы. Но события разворачиваются неожиданным образом. Федора находят мертвым... в ее комнате. Маше угрожает серьезная опасность – именно ее обвиняют в убийстве. Выручает девушку Володя Панкратов – он женится на ней, увозит из этих ужасных мест и отправляет на дачу своего друга. А потом... исчезает. Машу одолевают сомнения: почему он женился на ней, какая участь ей уготована? Что это – добрый жест с его стороны или наглая подстава? Нужно попробовать разобраться со всем этим самостоятельно. А вдруг на этот раз повезет?.. Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 5-699-09677-9

© Романова Г. В., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Галина Романова

Любитель сладких девочек

Глава 1

– Машка! Ты попала! Ты хоть понимаешь, в какую конкретно ситуацию ты попала? Ее даже дерьмовой назвать нельзя!

Глаза напарницы светились возбуждением, предвкушением и еще бог знает чем. Но определенно чем-то таким, что необыкновенно ее радовало. Надо полагать, что как раз эта самая ситуация, которую даже «дерьмовой» она назвать остерегалась.

Нина – так звали напарницу – громко звякала ложкой о дно тарелки, хлебная столовский борщ. Спецовочная выцветшая куртка, хлопчатобумажные штаны в пятнах, серый платок на плечах, который она сдернула с головы, резиновые сапоги до колена. Серые тонкие прядки волос до плеч, заправленные за уши. Темно-синие глаза с жирной полосой подводки по верхним векам. Узкие губы, выкрашенные невероятно яркой помадой. Впалые щеки со скорбными складками в углах рта и недвусмысленно намекающее на возраст, сильно размытое очертание линии подбородка. Распухшие от работы пальцы с розовыми крепкими ногтями. И... и удивительное выражение лица, роднящее их всех, находящихся сейчас в этом зале. Усталость, обреченность, настороженность. Именно так они все смотрели друг на друга. Как волки в стае волков. Готовые разорвать в клочья любого уготованного им судьбой на роль жертвы на их волчьей тропе.

Сейчас в роли жертвы, по-видимому, выступала Мария.

Покрутив головой по сторонам, она окончательно утвердилась в этой мысли. Косые, пристальные, вороватые – все взгляды неизменно пересекались в той точке, где она сидела. Народ замер в ожидании. И она – Машка – просто не имела права обмануть их ожидание. Такое здесь не прощалось. Впрочем, как не прощалось и то, что она десять минут назад посмела сотворить...

– Убери руки! – потребовала она высокомерно, даже не поворачивая головы на того, кто облапил ее сзади и крепко прижал к себе. – Я внятно выражаюсь?!

Толпа, вмиг окружившая их, затаила дыхание.

– А то что? – глумливо прогундосил ей в ухо самый отвратительный из всех голосов на свете.

Мужские руки с ее талии поползли вверх, подбираясь все ближе к груди.

Лишь на одно мгновение она позволила страху выползти изнутри. Лишь на одно крохотное мгновение. Но и тут же погасила его. Он выполз, но не стал достоянием этого вожака внимания.

Почему ей удалось справиться с этим так быстро? Да потому что всю свою жизнь ей приходилось душить его в себе. Прятать меж ресниц, зарываясь лицом в мягкие лапки плюшевых игрушек. Меж страниц учебников, меж своих девичьих грез, когда мать ей обещала... Ах да! Она ведь ей обещала! Кто мог подумать, что будет по-другому?! Да кто угодно! Только не она. Она всегда знала, что будет дальше. С тех самых пор, как осознала вкус собственного имени. Это только дураку не дано было понять, что оно в себе несет. Она-то была умной. Она-то никогда не была душой – Сидорова Мария Ивановна...

У кого хватит ума назвать свое дитя Марией, когда ее фамилия Сидорова, а отчество Ивановна?! Был бы мальчик, мать бы непременно назвала его Иваном, а коли родилась девка, то Машка! Кто же еще? Сидорова Марь Иванна... Стоит ли жить с таким именем? Пожалуй, что стоит. Стоит ли пытаться быть счастливой? Вряд ли... Мать всегда думала иначе. Потому и

назвала ее Машкой. Назвала, не задумываясь: как ей будет, каково, с кем ей будет это каково? Она никогда и ни о чем не задумывалась. Машке пришлось...

Маша поставила поднос, на котором гнездились тарелки с бултыхающимся борщом с нагло вылезающими наружу изуверски наструганными кусками капусты и свеклы, с сизым картофельным пюре и жуткого вида котлетой, вкус которой был ей так ненавистен. Вкус чеснока, муската и чего-то еще жутко пряного, но уж никак не мяса. Она все это поставила на свободный от зрительского присутствия стол. Толпа испуганно колыхнулась серой безликой массой и отпрянула. Даже руки, мнувшие ей грудь, обмякли.

И она неторопливо повернулась к нему.

Если существовал демон в обличье человека, то он был выдворен небесными силами именно в этот забытый всеми рабочий поселок. Этот человек с изрытым оспинами лицом, черными горящими глазами и узкой полоской рта был олицетворением всех сил зла. Все темное, порочное и гнусное нашло себе воплощение в нем одном. Этот изувер стоял прямо перед ней и глумливо ухмылялся в ожидании развязки. Она – эта развязка – была предначертана. Она была обязана произойти в этом месте при подобных обстоятельствах, но... Но все пошло не так. Черт возьми! Не имела права девка с таким тривиальным именем так вести себя! Но она, дрянь, скомкала все представления о порядке, устоях и уставе этого мелкого местечкового сообщества.

Она его ударила!

Да!

Поставила красный пластиковый поднос, сальный от долгого и безалаберного употребления на освободившийся стол. Повернулась лицом к нему и смачно, наотмашь ударила его по щеке.

В этот момент на рабочую столовую опустилась такая тишина, что Маше показалось вдруг, что она оглохла. От собственной смелости, шибанувшей в голову, неоправданной дерзости. Куда в этот момент подевался ее страх – ее вечный ангел-хранитель, не раз помогавший ей и спасающий от беды?! Она посмела преступить запретную черту, преступать которую не было дозволено никому. Этот страшный человек был здесь неформальным лидером, некоронованным королем, авторитетом, «живущим по понятиям». Плевать ему было на то, что его «понятия» шли вразрез с общепринятыми: он так решил и сказал – значит, так оно и должно быть. А Машка посмела бросить ему вызов. Посмела не подчиниться. Это был конец для нее...

Он не ударил ее в ответ. Даже не замахнулся. Покрывил тонкогубый рот в гадкой многообещающей ухмылке. Потом сунул подбородок в сильно растянутый ворот серого свитера. Буркнул что-то наподобие «ну все, сука, тебе конец» и тут же растворился в спецовочной массе окруживших их любопытных. Маша взяла со стола свой поднос с тарелками и, пройдя по мгновенно образовавшемуся живому коридору, села на свое обычное место у окна. Понемногу все рассредоточились за соседними столами. Нинка серой мышкой скользнула на свой стул напротив Маши и тут же зашипела на нее полузабоченно-полуобрадованно.

– Федька тебе этого ни в жисть не простит! – пообещала она Маше с набитым ртом. – Он ведь тут почти всех красоток через себя пропустил. Тебя вон и так долго не трогал. Сколько ты здесь уже?

– Три месяца. – Маша бултыхала ложкой в тарелке с борщом, все никак не решаясь подцепить кусок капусты, скрипучий даже на вид.

– Во-о-о! – Нинка попыталась присвистнуть с набитым ртом, но лишь расплевала по столу крошки картофельного пюре. – А все в целках ходишь! Здесь так не принято!

– А как здесь принято?

Черпнув ложку бурой жижи, Мария все же отправила ее в рот. Борщ оказался вполне сносным, и она пошустрее заработала ложкой, боясь, что не успеет за Нинкой и останется в столовой одна под огнем перекрестных взглядов.

– Здесь-то?.. – Нинка подскребла остатки с тарелки коркой хлеба и с удовольствием ее разжевала. – А здесь ведь как карта ляжет. Приглянулась ты кому, все – твоя песенка спета. Будешь жить с ним, пока ему не надоешь. Потом он может тебя завещать кому-нибудь, когда лыжи наострит на Большую землю.

– Так уж прямо...

– Ну, может, и не совсем так, но в основном так и случается. И слава богу, что так. А то нашлет господь такую напасть, как вот на тебя... Чего пилишься? Теперь тебя Федька застолбил, а это хуже смерти. Мало того, он себе право первой ночи присвоит, так потом определит тебя к какому-нибудь уроду, и будешь влачить здесь дни без радости.

– Нин, ты чего это такое говоришь, не пойму?! – Маша оторопело хлопала глазами, не желая верить в этот бред. – Что за средневековые штучки?! Право первой ночи! Плевать мне на этого придурка! Раз схлопотал по физиономии, еще раз схлопочет. И пошли уже. Обеденный перерыв кончается.

Она с грохотом отодвинула стул; натянула на голову такой же, как и у Нинки, серый платок и, аккуратно стянув его концы у себя на затылке, забормотала:

– Право первой ночи, елки-палки! Придумают же такое?! Тут ментов на каждого из нас по пять человек, а она – право первой ночи! Видали?! Может, я и перегнула палку с этой пощечиной, но никто не давал ему права лапать меня при всех.

Нинка лишь пожала плечами и пошла следом за ней, на ходу продолжая все так же пожимать плечами, когда натыкалась на чей-нибудь вопрошающий взгляд. Они вышли из жаркого нутра столовой на улицу, и тут же в лицо им швырнуло сухой снежной крупкой.

– Холодно...

Маша поежилась и плотнее запахнула на груди телогрейку, которая документально значилась как хлопчатобумажная куртка на утепленной основе. Основа была так себе – хиленькая, дрябленькая. Пока они шли до цеха готовой продукции, где они с Нинкой на пару упаковывали копченого палтуса по коробкам – все тепло рабочей столовой из них было вытравлено нахальными порывами студеного северного ветра. Он деловито заползал под короткие полы телогрейки, рвал с головы платок, засыпал им пригоршни снега в широкие рукава и буквально примораживал подошвы резиновых сапог к ледяной земле.

Маша холод ненавидела.

Нинка, напрягшись изо всех сил, потянула на себя тяжеленную железную торцевую дверь их цеха, и они быстренько юркнули в образовавшуюся щель. Тут же их окутал густой, как клейстер, духмяный запах коптящейся рыбы. Им тут было пропитано все: большие коробки толстого картона, фартуки, в которых они работали, столешницы, на которых они ворочали жирные рыбы тушки, стулья, куда в редкие часы отдыха они падали без сил, двери, за которыми открывался вид на снежную равнину с выстроенными почти в шахматном порядке бараками. Маше казалось, что даже куски туалетного мыла в душевой насквозь пропитаны этим запахом. Его она ненавидела тоже. Как возненавидела рыбу, аппетитные кусочки которой по первости все норовила сунуть себе в рот.

Все ей здесь было ненавистно. Вечная стужа, слепящая глаза бескрайней снежной равниной без единого намека на растительность. Дикие, неуправляемые ветры, поднимающие с помоек горы мусора и швыряющие в лицо прохожим пустые сигаретные пачки и рваные полиэтиленовые пакеты. Скупое солнце, которое никак не хотело согреть ее, а все норовило завалиться в пухлые барханы темных облаков и уснуть там вечным сном. Серые, неструганные доски барачных, которые тут горделиво именовались общежитиями. Нет, это были именно бараки. Такие она видела в кино про фашистов. Они туда сгоняли пленных, там их гноили в вечном голоде и болезнях, а потом сжигали в печах крематория... Ей были ненавистны дощатые строения общего пользования, претензионными скворечниками торчащие в торцах барачных. Веч-

ные тазики под умывальниками и постирушки в них. Но более всего этого ей были неприятны люди, с которыми ей пришлось здесь столкнуться.

Господи! Разве могла она подумать что-нибудь подобное?! Разве именно этого она ждала от судьбы?! А все мать! Она ей обещала светлое место под солнцем, заставляя беспрекословно слушаться и всегда и во всем понукая ею.

Заставляла ходить к репетитору и заниматься английским, хотя Маша боялась этого сладкого вертлявого старикашку, норовившего усадить ее к себе на колени и ущипнуть за тощий девчоночий зад.

Заставляла ходить в музыкальную школу и часами тренькать на пианино. А Маша потом плакала ночью, потирая ноющие от напряжения пальцы.

Заставляла иметь в друзьях только умных и нужных, не желая принимать к сведению тот факт, что Машка стыдится своего поношенного платья и прошлогодних босоножек с подбитой подошвой. Что замирает от страха, когда со стола на пол из ее рук выпадает вилка с нацепленным на нее куском мяса в жирной подливке.

Матери было плевать на ее страх, смущение и слезы стыда. Она перла буром, стуча себя кулаком в грудь и убеждая дочь в том, что она обязательно сделает ее судьбу сказочной.

Сделала...

Нет, поначалу все казалось и вправду сказочным. И экзамены вступительные в институт Маша выдержала блестяще. И училась успешно, не забывая быть вежливой и приветливой с перспективными молодыми людьми, которых мать всеми правдами и неправдами заманивала к ним в дом. Она даже тренькала им на пианино под их восторженные аплодисменты какие-то сюитки. И позволяла себя провожать, при этом не позволяя ничего лишнего. Потом была благополучная защита диплома. Прекрасное место работы с повышением зарплаты каждые три месяца. На горизонте обозначился вполне конкретный перспективный претендент на ее руку и сердце, и вот тут-то мать дала маху...

То ли сыграл с ней злую шутку печальный опыт собственного замужества. То ли какой-то злой рок решил посмеяться надо всеми ее жизненными потугами по устройству дочериного счастья. То ли просто ума не хватило разглядеть в «перспективном и благонадежном» отъявленного мерзавца. Но на сей раз мать облажалась. Она сама провозгласила ей об этом, самым странным образом присовокупив к своему имени еще и ее, Машкино. С какой стати? Да все с той, что взваливать свою собственную вину на одни свои плечи было ей очень обременительно.

– Дочь, мы облажались, – объявила она, выпуская тонкую струйку сигаретного дыма в Машкину сторону. – Мы с тобой наделали кучу ошибок. Тебе надобно срочно уехать. Как можно быстрее и как можно дальше. Здесь тебе оставаться нельзя.

Она снова наплевала на ее чувства, на то, что Машке страшно. Что она уже неделю не может подняться с дивана и заставить себя сделать хоть что-нибудь. Мать исчезла на два дня и две ночи, а потом ворвалась в квартиру, потрясая в воздухе какой-то бумагой и воодушевленно гикая что-то о том, что победа будет за ними, а все виновные все равно будут наказаны.

– Это то, что тебе нужно! – уже совершенно спокойным голосом увещевала она трясущуюся в лихорадке Марию, а сама потихоньку складывала в чемоданы ее колготки, свитера, джинсы и лифчики. – Это так далеко! Тебя там никто и никогда не достанет! Ни одна гадина не посмеет сделать тебе там плохо... Тебе нужно будет это платье? Вряд ли, Маш. Мне в нем так здорово, и эти туфли... Пожалуй, их надо оставить. Там, говорят, немного прохладно...

Там, куда спровадила ее мать, не было прохладно. Там было жутко холодно, пусто, сиротливо. Только потом ей стало понятно значение косых взглядов в головном управлении их рыбпромхренхоза, куда она сдавала свою трудовую книжку. Только потом она поняла, почему кадровичка, доверительно склонившись к ее уху, уговаривала ее почти по-родственному:

– Вам нужно крепиться, дорогая. У каждого в жизни случаются черные полосы, это нужно постараться пережить.

Те люди, в окружение которых попала Марь Иванна Сидорова, сами по себе уже были черными полосами. Олицетворением самых что ни на есть черных жизненных зон. Воры, непредумышленные убийцы, зlostные хулиганы, карточные шулеры и прочая шушера, как называла их всех Нинка.

Поселенцы...

Сюда старательно спроваживали так называемых выселенных на сто первый километр либо условно освобожденных под надзор и ждущих окончательного помилования в честь какой-нибудь очередной круглой даты. Потом амнистированные уезжали, им на смену приезжали другие. И так шло из года в год.

Правда, за все время своего существования поселок успел обрести и честным людом. Кто приезжал на заработки, поскольку консервный заводик процветал и средняя зарплата здесь давно обскакала средний прожиточный минимум их региона. Кто – как вот ее напарница Нинка – приехал сюда в поисках счастья, то бишь по переписке. Написал ей какой-то «жутко одинокий и несправедливо осужденный», она и хвост распустила. Продала квартиру в Москве. Приехала, устроилась на работу. Зажили с «несправедливо осужденным» одной семьей. Но счастья у них не вышло. Он уехал, а Нинка с чего-то вдруг осталась. Да, собственно, ей и ехать было особенно некуда. Деньги, вырученные от продажи квартиры, ей помог прожить ее «жутко одинокий» избранник. Родственники ее не ждали. Вот она и осела здесь – почти на краю земли, зарабатывала деньги и никуда уезжать пока не собиралась.

Кстати, таких, как Нинка, здесь было предостаточно. Держались они все больше по парам. Многие, которым особенно повезло, переселились жить «за кордон» в бамовские вагончики, которые по сходной цене им сбавляло рыбпромхренхозовское руководство. Кордоном здесь называли дальний угол поселка, где четыре ряда бамовских вагончиков, похожих на огромный конфетный батончик, организовано именовались Стрелецкими переулками под номером один, два, три и четыре – соответственно.

У них там был свой собственный магазинчик, куда вход «выселенным» строго был заказан. Свое почтовое отделение. Свой фельдшерский пункт. Общей у них была лишь столовая.

А вообще, там все было свое. Свои порядки, свои устои, и даже мужчин и женщин здесь делили между собой по своим собственным законам. Холостяки если и не особенно приветствовались, то и не преследовались волчьей стаей с таким остервенением. Не то что в их закордонном барачном захолустье. Здесь каждой твари должно было быть по паре. Иначе человек превращался в изгоя, как вот она...

– А чего ты хотела?! – вытаращила на нее глаза Нинка, когда они сдали смену и, еле волоча ноги, двинулись в душевую. – Ты вообще куда приехала-то?! Тут принцев нету и быть не может! Я и сама уже третьего мужика переживаю. Думаешь, мне так уж хочется, что ли?! А что делать?! Да и деньги нужны. Еще немного скоплю и за «кордон» переселюсь. А в нашем гадюшнике по-другому нельзя. Здесь не принято по-другому. А ты уже три месяца в холостых. Удивляюсь, как это ты до сих пор одна? А Федька – он зверь. Не знаю, Машка, как ты сегодня ночь переживешь... Угораздило же тебя отделиться от других!

– Не могу я трусами трясти у посторонних людей перед носом, понятно? – огрызнулась до сего молчаливо ступавшая по ее следам Маша и принялась с гримасой отвращения стягивать с себя прокопченную спешуху. – Пусть уж лучше такой закуток – два на два с половиной, зато с отдельным входом и своим собственным окном...

– Во-во! Будет тебе отдельный вход, уж поверь! Эта тварь тебе устроит еще не одну «варфоломеевскую» ночь. Тебе бы за «кордон», там почти безопасно. А тут...

– А милиция? – вяло поинтересовалась Маша, переступая на цыпочках по холодному бетонному полу к единственной лейке в их душевой. – Может, у них попросить помощи?

– Совсем больная. – Нинка села на скамейку, где холмиком высились их рабочие тряпки. – Они сами в очередь к тебе выстроятся. К тому же Федька... У него здесь все куплено. Уж за что он здесь – не знаю, но что блатной – это точно. Это тебе о чем-то говорит?

Маша слушала ее вполуха. Горячие струи воды, бывшие косо из давно забившейся прожавевшей лейки, стекали по закостеневшему от нудной работы позвоночнику и исчезали в осклизлом стоке. Серо и убого... Гадко и противно...

В их квартире была огромная чугунная ванна с литыми золочеными ручками, медными сверкающими кранами и веселой мощной струей воды, взбивающей душистые пенки и масла в густую крепкую пену. Маленьким ребенком Маша держалась за ручки, боясь нырнуть с головой. Будучи взрослой, ухватывалась за них, чтобы рывком выпростать свое сильное тело из воды. Потом обычно сдергивала с крючка огромное мохнатое полотенце, обматывалась им и, оставляя на полу следы мокрых ног, шла к себе в комнату. Там она насухо вытиралась и облачалась либо в пижаму, либо в домашний шелковый костюм, на котором всегда настаивала мать.

– Женщина не должна выглядеть кухаркой ни при каких обстоятельствах! – увещевала она дочь, застав ту дома в халате либо в футболке и стареньких джинсах. – Ты всегда должна чувствовать себя женщиной! Всегда! Даже в поле!

Что бы она сказала сейчас, увидев свою дочь на сером дощатом полу в убогой душевой консервного заводика? Ужаснулась бы, упала бы в обморок, узнав, в окружении какой шушеры живет она? Или отреагировала как-то еще?..

Этот вопрос мучил Машу все три месяца, которые она здесь провела.

Знала ли мать об участии, которая ждала ее дочь в этом дальнем уголке нашей необъятной родины? И если знала, то как могла ввергнуть в пучину такого ужаса?

– Хорош баландаться! – Нинка звучно шлепнула ее сильной ладонью по голому боку и тут же вытеснила из-под редких спасительных струй воды. – Обсыхай пока, теперь моя очередь.

Нинка мылась всегда суетно, суматошно. То и дело роняла скользкий кусок мыла и долго его поймать потом не могла. Наскоро мылилась, наскоро ополаскивалась, кое-как вытиралась и поспешно втискивала себя в чистую одежду, которую они оставляли на пластиковых крючках в предбаннике.

– Голову будем сушить? – озадачилась напарница, обнаружив сломанную сушилку. – Или так пойдем?

Маша не отреагировала, скрутив волосы жгутом и пряча их под толстой шерстяной шапочкой. Провести здесь лишние несколько минут – в душном, прокоптившемся пару душевой – было выше ее сил. У нее всего лишь по три часа в день, не считая выходного, перед тем как в общагах отрубали свет. И эти три часа всегда были ее личным и неприкосновенным временем. Временем уединения, отдыха и блаженного покоя перед телевизором – крохотным черно-белым «Рекордом». Маша приобрела его по случаю в областном центре в тот день, когда оформлялась в головном управлении. Купила в комиссионке по такой смешной цене, что надежды на то, что телевизор находится в рабочем состоянии, у нее практически не было никакой. Но телик показывал. Как только она водрузила его на казенную тумбочку в крохотном закутке, выделенном ей в «порядке исключительного исключения», нажала «патриархальный» тумблер, он сразу же забубнил, выдавая ей программу за программой. Тогда она, как наивная чукотская девушка, вдруг поверила в то, что у нее все здесь получится. Что она привыкнет и втянется. Но... не слюбилось и не срослось. Через три месяца ее пребывания в этом затерянном среди снегов поселке кривая ее радужной эмоциональной эйфории резко поползла вниз.

Единственной радостью в жизни оставались эти вот три часа после рабочей смены.

Она шла с Нинкой с работы. Заходила, как привязанная, следом за ней в магазин. Скупала все, что можно было скупить: от засахарившегося варенья и черствых перемерзших кренделей до глянцевого красивых журналов и оригинальных фарфоровых пепельниц. Она

выстраивала их строем на подоконнике, который выстлала мягким блестящим мехом какого-то животного. Его ей втиснул «за бутылку» местный поселенец, убедив, что сей мех когда-то носил самый настоящий соболь. Ему Маша верила мало, зная, что местный контингент нередко грешит против правды. Но мех на подоконнике со стройным рядом фарфоровых пепельниц смотрелся великолепно. К тому же закрывал собой нижнюю часть рамы, из щелей которой садил такой ветер, что к утру стекло со стороны комнаты покрывалось густым шершавым инеем. И хотя она его завесила бамбуковой вьетнамской шторкой, это мало спасало от холода.

Тумбочку и узкую пружинную кровать, визгливо выражавшую протест при каждом ее вторжении, Маша также застелила меховыми шкурками, которые самоотверженно сшивала в аккуратные квадраты в единственный выходной день в неделю. Получилось красиво и почти уютно. Войдя во вкус, благоустроявая свою крохотульку комнатку, она увешала стены глянцевыми картинками из купленных журналов, втиснув их в пластиковые рамки, застелила некрашеный дощатый пол толстым ковром, который, вняв ее просьбам, приобрела ей одна «закордонная» барышня в своем магазине. И маленький дощатый пенал, коим сначала ей показался выделенный угол, превратился в миленькую обжитую комнатку.

– Ничего себе! – завистливо выдохнула через нос Нинка, как-то напросившись к ней в гости. – А то у меня... Что ни куплю, все пропивают. Сейчас я уже поумнела, стала просто деньги копить. А жить приходится, как на вокзале, хотя комната больше твоей раза в четыре. Какая ты...

– Какая? – Маша гремела в тумбочке пластиковыми кружками, собираясь угостить Нинку чаем.

– Не такая, как все. Странно, что ты вообще здесь оказалась... Тут ведь у нас либо за длинным рублем, либо с длинным хлыстом, либо со сроком. Ты не за деньгами, это точно.

– С чего ты так решила? – осторожно поинтересовалась Маша, выдвинула на середину комнатутки две табуретки и, накрыв их льняной салфеткой, устроила подобие стола.

– Так покупаешь всякую лабуду! Чего же тут непонятного? Те, кто за деньгами сюда едет, те денежки куркулят. На журнальчики и пятилетнее варенье ни рубля не потратят. А ты то циновки какие-то на окна вешаешь, то все пластмассовые рамки с пепельницами в магазине скупаешь. Благо бы курила, а то ведь от дыма тебя воротит!

– Так ведь красиво, сама сказала, – попробовала выразить протест Маша, накладывая это самое варенье горкой в пластиковую розеточку. – Чего же жить, как в хлеву?

– Тю-ю-ю, – присвистнула Нинка, жадно ощупывая глазами каждый сантиметр Машиного жилища. – Как бы это да на всю жизнь. А то ведь при первом удобном случае сорвешься отсюда. Только он предоставится – случай-то – так и упорхнешь. И чего ты сюда приперлась вообще, не пойму?..

С тех пор этим вопросом она терзала Машу постоянно, при каждом удобном и неудобном случае: в обеденный перерыв и минуты перекура, когда Нинка завешивалась от нее плотной пеленой вонючего едкого дыма. В душевой и магазине, по дороге с работы и обратно. Вопрос всегда звучал грубо и никогда не вуалировался никакими предложениями. Идет-идет, да вдруг как брякнет:

– Чего ты вообще сюда, Машка, приперлась, не пойму? Не убогая и не хромая, не нищая и не в отсидке, чего же тогда влачишь свои дни среди этой шушеры? Приключений захотелось? Подожди, тебе их тут устроят, только наливай...

Поначалу Маша шарахалась при подобных проявлениях Нинкиного «народного» любопытства, потом привыкла. Научилась не обращать внимания. Но сегодня все с самого утра пошло не так. То ее письмо, адресованное матери, обнаружилось на пороге ее комнаты со штемпелем «адресат не проживает». То дикая сцена в столовой. Потом наскоки сменного мастера, забраковавшего целую партию упаковочного материала и с чего-то наоравшего именно на них, словно это они с Нинкой целый день сидели и мяли задницами этот плотный

гофрированный картон, превратив его в непригодную ни для чего тару. И тут еще снова Нинка со своим любопытством...

Они вышли из душевой и двинулись длинной кишкой коридора, окаймляющего копильный цех и цех готовой продукции. Пробираться приходилось в полутьме, по пути натываясь на блоки упаковки и всякий хлам, сгружаемый в контейнеры, которые почти всегда стояли переполненными. Маша шла впереди, отчаянно тараща глаза и старательно огибая каждый опасный участок. Нинка сзади что-то бубнила ей в спину, то и дело чертыхалась, проглядев то или иное препятствие и поддевая его своими ботинками.

Уродливые тени жались к стенам, тонущим в полумраке, и каждая из них отчего-то сегодня казалась Маше зловещей. Что-то надрывно саднило сегодня в ее душе. И на предчувствие это было совсем не похоже, а вот поди же ты, ноет и все... Какой-то сгусток темноты впереди вдруг заметался и тут же замер. Показалось?... Показалось или нет?

Маша остановилась и, пропустив мимо ушей возмущенный вопль Нинки, уткнувшейся ей в спину, изо всех сил напрягла зрение.

До выхода оставалось метра четыре, не больше. Контейнеров там более быть не должно. Зато стоял огромный железный шкаф со слесарными инструментами. Он высился бесформенной громадиной, заполонившей почти весь проход, и всякий раз им приходилось его огибать, соблюдая меры предосторожности. И что это сегодня ей вдруг вздумалось увидеть, что рядом с темным монолитом этой железяки что-то или кто-то шевелится?... Нервы... Точно нервы! Нинка настрашала жутковатыми прогнозами про Федькину месть, вот и мерещится непонятно что.

– Ты чего остановилась-то? – взвизгнула напарница, больно саданув ей меж лопаток острым кулаком. – У меня волосы мокрые совсем! Просквозит – и заболит! За мной ухаживать некому! И хаты такой у меня нет, как у тебя, с мехами да портретами! Давай шевелись уже, Машка!

Маша двинулась было вперед, но снова замерла. Нет, что хотите, но там кто-то был. Темный силуэт рядом со слесарным шкафом шевелился и раздваивался, то увеличиваясь в размерах, то снова сжимаясь. Кто-то определенно там прятался. Почему прятался? Да потому что в противном случае давно бы уже окликнул их. В смене каждая собака друг друга знала наперечет. А здесь тишина, если не считать, конечно же, Нинкиного недовольного брюзжания за спиной.

– Ты долго каланчой будешь торчать, у меня уже вся жопа в мурашках! – заорала вдруг та громко и, словно разбуженный ее воплем, сгусток тени у шкафа снова заворочался. – Иди быстро! Господи, зачем ты вообще свалилась на мою голову?! И так чудо чудом, а теперь и с Федькой в контрах! Со мной из-за тебя скоро ни один порядочный человек здороваться не будет.

– Порядочный? – Последние Нинкины слова отвлекли ее от напряженного вглядывания в темноту коридора, и Маша невольно рассмеялась. – Где же это ты здесь встречала порядочных? Я за три месяца ни об одного не споткнулась. Одна шушера кругом...

– Шушера? – зашла Нинка в праведном гневе, совершенно забыв, что данное определение впервые исторгли ее уста, и совсем не подозревая, что до знакомства с ней Маша с таким определением не сталкивалась. – Мы – шушера? А кто ты такая? Кто, спрашиваю? Приехала тут! От кого бежала и куда? Что совершила такого, что залетела на самый край земли? Может, ты воровка? Может, убийца?..

– Так говорят... – тихо обронила Маша, не спуская глаз с темного жерла коридора.

– Что говорят? – Нинка неожиданно икнула, то ли от холода, то ли от страха, и громко скребыхнула подошвами зимних ботинок об пол.

– Говорят, что я убийца, – как можно громче проговорила Маша, заметив, как от шкафа отделяется вполне различимый теперь силуэт и медленно удаляется в противоположную от них сторону.

Было очень тихо. Нинка потрясенно сопела за спиной, переваривая услышанное и не зная, что теперь делать с долгожданным для нее Машкиным признанием. А человек – это, несомненно, был человек, в привидения Маша никогда не верила, даже в детстве – почти незримым призраком уплывал в сторону выхода. Вот сейчас он откроет входную дверь, впуская в помещение верткие языки начинающейся метели, и потом исчезнет. И они никогда не узнают, кто ждал их возвращения из душевой и с какой целью...

– Эй! – неожиданно для самой себя крикнула в темноту Маша. – Стой!

– Чего орешь? – Нинка снова икнула и тут же с вполне объяснимой живостью, подталкиваемая вполне объяснимым любопытством, спросила: – И кого же ты убила?

Силуэт замер. Почти достиг тяжелой входной двери, четко обозначился на ее фоне и неожиданно замер. Что его остановило? Тривиальное любопытство или нежелание выходить на холод?

– Я?.. Говорят, что я убила своего мужа, – смакуя злорадство, произнесла Маша и удовлетворенно улыбнулась про себя, заметив, как в изумлении дернулся человеческий абрис на импровизированном дверном экране.

– Во как! – квакнула Нинка и, кажется, попятилась. – А ты и правда его убила?

Дождавшись момента, когда фантом вольного или невольного слушателя повернет в их сторону голову, Маша с облегчением проговорила:

– Нет! Я его не убивала...

Глава 2

Все зло от баб! Всегда и все! Он готов кинуть камень в любого, кто скажет, что это не так! В его жизни все и всегда было завязано именно на этом. Только-только начинает везти, только-только жизненные блага начинают сыпаться так, что только успевай руки подставлять, как обязательно на горизонте возникает какая-нибудь очередная горгона в образе длинноногой серны. И пошло-поехало...

Сначала она сводит его с ума, сладкоречиво обволакивая несовершенно мужское сознание ядовитой лестью. словно гадкая паучиха оплетает его всего, делает безвольным, слабым, чуть обалдевшим, способным ради нее на многое. Даже на то, чтобы совершить нечто для него нехарактерное и совсем уж ему несвойственное...

Но потом...

Потом она непременно ввергает его в пучину ада, проводит по семи его кругам, а далее следует неизбежная развязка, и как-то так само собой он оказывается в одной из сточных жизненных канав. Затем он долго зализывает раны, дает себе сотни три зарокос даже головы не поворачивать в сторону этого адского племени. Начинает долго и иступленно работать. И как только страшно нудный и изматывающий процесс жизнеутверждающего подъема замирает на самом вершине, в самой высокой победной точке, на горизонте непременно появляется очередной злой демон в образе...

Нет, он, конечно же, не собирался подводить под ту же черту происшедшую только что идиотскую сцену. Совершенно не виделось ему в этой самой сцене ничего судьбоносного. И уж совсем-пресовсем не тянула на титул дамы его сердца эта девица в замызганной спецовке и сером платке – тьфу, гадость какая! – и все же... Все же живший где-то глубоко внутри него концентрат отчего-то вдруг затрепетал ноздрями. Что за черт? Неужели снова? Нет! Ни за что! Такого больше просто не может с ним случиться! Дважды обжегшись на молоке, он теперь на воду не то что дует, он к ней даже не приближается. Ну какого же черта этот неугомонный хищник вдруг запрядал ушами и ни с того ни с сего колупнул когтями землю?

Только не сейчас, упаси господи! Только не в этом месте!

Володя оставил далеко позади себя здание консервного заводика. Порывы ветра безжалостно стегали в лицо, блудливо кружили вокруг него снежными хороводами, норовя облапиться во всех местах сразу. Он кутал подбородок в шарф. Поглубже втискивал в карманы озябшие пальцы рук. Прибавлял шаг, почти срываясь на бег, но помогало мало. Было жутко холодно. Скорее бы уж дойти. Вот еще совсем немного – минут пять, и он будет на месте. С какой стати было сегодня задерживаться? Ушел бы как все – вовремя. Не пытался бы решить то, что не под силу даже его руководству. Нет же! Надо же было доказать всем им и самому себе, что он тертый калач и знает толк...

«Я в поросятах знаю толк!» – всплыла вдруг в голове строчка из детской постановки. Вот-вот, именно в поросятах, только правильное бы сказать – в свинках. Молоденьких, розовеньких, свеженьких и с такими нахальными пороссячьими рыльцами, что порой ему хотелось убить самого себя за то, как умело они использовали его и обводили вокруг пальца.

Жилой массив поселенцев он обошел стороной, дав крюк метров в триста. Не беда, что ветер при такой траектории стал бить ему в левое ухо. Это даже хорошо – правое пока отдыхало. Зато избавил себя от возможных неприятностей, могущих возникнуть, пойдя он освещенной улицей вдоль бараков. Их обитателей хлебом не корми – дай за что-нибудь зацепиться. Совершенно на ровном месте найдут зацепку и в любой безобидной фразе раскопают предлог для драчки. И если на заводе с ним здоровались, уважительно срывая с голов шапки и кепки, то в поселке на их улице он ни кто иной, как «закордонщик». А их тут не жаловали. Как, впрочем, и поселенцев у них. Нет, надо было все же ехать вместе со всеми на дежурной пасса-

жирской «Газели», которая развозила их по утрам и вечерам. Теперь вот приходится шлепать пешим порядком, да еще и развлекать себя всякими бредовыми мыслями, чтобы не свалиться обмерзшим кулем в какой-нибудь канаве и не уснуть насовсем.

Ага! Вот, оказывается, откуда крылья растут у его непонятого интереса к этой высоченной девице. Просто чтобы не думать о том, как замерз, он развлекается тем, что думает о ней. Круто!

Какого черта представлять себе собственные костяшки пальцев, покрасневшие от мороза, если можно вспомнить, к примеру, сцену в столовой? Как чужие руки собственнически мяли и тискали ее грудь. Это куда интереснее собственных коленок, на которых волосы, наверное, уже дыбом встали от мороза и ветра, давно заползшего под штанины брюк и хозяйски пузырящего там трикотаж его новеньких кальсон. И как смело она врезала этому отморожку по его гнусной физиономии! Ох, как тихо тогда стало в столовой. Кажется, даже ровный гул электропечей стих, замерев в ожидании последствий ее дерзости. Чем-то теперь для нее обернется все это?.. Вот о чем надо думать, а не о камне в левой почке, вторую ночь не дающем ему покоя. Наверняка где-то под сквозняк подставился, и теперь, как следствие, неделя бессонных ночей ему обеспечена...

До мостка над глубоким оврагом, соединяющего два вражеских берега, оставалось три-четыре шага, когда суетное мельтешение теней у крайнего барака поселенцев привлекло его внимание. Что бы просто отвернуться да идти своей дорогой? Так нет! Зачем же? Нужно было, идиоту, вернуться, согнуться в три погибели, подбородком почти бороздя землю. Конспиратор тоже, мать его ети!.. Что хотел увидеть-то? Ну, что хотел, то и увидел. А, увидев, уже не мог просто так повернуться и уйти. Увидев начало одноактной пьесы, непременно должен был досмотреть ее до конца. Совсем позабыл, что сотни раз зарекался никогда и ни во что не вмешиваться. Что попал сюда, на самый край земли, пройдя по самому краю пропасти. Что его и вовсе не должна была волновать эта суета под окнами крайнего общежития. Все забыл. Все забыл напрочь. Даже про то, что промерз до самой последней кости и каждого нервного окончания. Ухнулся прямо на землю, поворочался осторожно, зарываясь в снег, и, сильно напрягая зрение, принялся смотреть. И чем дольше смотрел, тем страшнее ему становилось.

Вот он и ответ на вопрос... Чем-то теперь ей обернется ее смелость?.. Кажется, над этим он ломал голову несколько минут назад. Вот вам и ответ, батенька. Вот она и обернулась в чудовищную сцену изуверства, насилия и жестокости. Каким же надо было быть чудовищем, чтобы сотворить такое? Володя не был тринадцатилетним гимназистом, немало успел повидать в своей жизни, но от увиденного и его стошнило.

Зарываясь в снег лицом, содрогаясь от спазм в тот же миг возмущившегося желудка, он в панике начал отползать. Как он добрался до рва и перемахнул мосток, как в тридцать три прыжка проскакал четыре переулка и затем, открыв дверь в свой дом, заперся в нем – он не помнил. Один свист в ушах и дикое стремление побыстрее спрятаться. Больше ничего, никаких желаний.

Он долго сидел в темноте на табуретке у входа и слушал. Конечно же, никто его не заметил, никто и не думал его преследовать... А вдруг? Потом Володя все же нашел в себе силы подняться и включить свет. Овальное зеркало, скорее зеркальце, чем зеркало, отразило его бледную перекошенную от ужаса физиономию. И почти тут же, скрикошетив от его портрета, перед его глазами всплыло другое лицо. Боже, что будет с ней? Если он, мужик совсем не робкого десятка, которому в «девках» не раз ломали в драках ребра, и то еле-еле сумел взять себя в руки, что же тогда говорить о ней?

Надо же, опять он думает о ней! Начинается?! Тьфу, чертовщина какая!

Скинув пуховик прямо на пол, Володя задумчиво уставился на свою дверь. Невелик заступ, но все же он чувствовал себя здесь в относительной безопасности... А как же она?

Нет! Не стоит об этом думать, по крайней мере сейчас. Все, что ему сейчас нужно, это повесить на вешалку куртку. Смести снежный валик у входа и приткнуть куском старой овчины. Вот ведь беда: сколько ни пытался забить щель внизу, все без толку. Проныра-ветер непременно к его возвращению наметет аккуратную стопку снежных крупок. Погода... Немилосердно все здесь и безжалостно. Что погода, что люди... Нет! Стоп! Не стоит опять съезжать на только что проложенные самим рельсы. Все, тупик!

Остервенело размахивая веником, Володя вымел на улицу снежную крупу. Подоткнул овчиной входную дверь, тщательно запер ее и для верности потряс за дверную ручку. Потом повключал свет по всему вагончику, состоящему из крохотуличного коридора, плавно перетекающего в псевдогостиную с дверной нишей, указывающей путь в его опочивальню. Помещения были крохотными, словно клетки для морских свинок.

В коридорчике он уместил вешалку для одежды, маленький холодильник «Норд», стол с электроплиткой и навесную посудную полку. Поставил под стол пару ведер для воды. Постелил циновку, благо торговали ими в их магазине бесперебойно, и кухня-столовая была готова. Маленькая гостиная удостоилась куда больших стараний с его стороны. Диван, красивое бра в изголовье. Телевизор, видеоманитфон, книжные полки, заваленные журналами и автомобильными каталогами. Толстый, просто неприлично дорогой ковер на полу. Он его затребовал у ребят сразу, как только переступил выхлопотанный для него порог. Прислали с оказией едва ли не через неделю... Далее спальня. Гм-м-м... с постоянно открывающимися дверцами двухстворчатого шкафа, вечно разобранной постелью и пустыми пивными бутылками на полу. Ну любил он на сон грядущий опорожнить пол-литра пенистого напитка, что тут поделаешь. Водился, водился за ним такой грешок: припасть к исходящему легким дымком горлышку, мысленно отослать из мозгов куда подальше своих недругов на ближайшие полчаса, а затем под медленно наплывающий хмельной туман помечтать о своем возвращении...

Сегодня мечтать не хотелось. Он наскоро поужинал вчерашней картошкой с тушенкой. Запил чаем второго розлива. Очень уж не хотелось ему сегодня вытряхивать заварку в помойное ведро, ополаскивать чайник, а потом ждать долгие пять минут, пока заварится. Куда проще плеснуть кипятка в подсохшую листву. Она жадно впитает в себя стоградусную влагу и затем благодарственно возвратит ее уже изрядно помутневшей. Вкуса нет? Да черт с ним! Он сегодня никакого вкуса вообще не ощущает. Гадостное ощущение во рту, будто съел дохлую жабу, хотя его продукты в принципе еще ничего... Что же с ней будет, когда она вернется? Он ведь не был дураком – Панкратов Владимир Николаевич, тридцати лет от роду, с двумя высшими образованиями в багаже знаний и двумя неудавшимися браками за плечами. Он сразу понял, что затевается суматоха под окнами ее барака. Ведь она жила именно там... Наверняка она жила именно там. Ошибиться он не мог. Все, что он там видел, готовилось к ее возвращению. И именно сейчас она должны была уже вернуться, протаскивая свое уставшее после смены тело по выстуженным ветрами и снегом улицам поселка. По привычке зайти в магазин. Накупить там какой-нибудь дряни... был он там, был, знает, чем торгуют!.. Потом отстучать каблуками своих почти омовских ботинок по доскам длинного барачного коридора и, открыв свою дверь, войти туда...

Как же это все произойдет, интересно...

Глава 3

Маша с совершенно тупым выражением на лице рассматривала в магазине репродукцию неизвестной картины неизвестного автора, которая появилась здесь только сегодня. Она была в этом уверена, потому как с ревностной брезгливостью относилась к подобным проявлениям творчества... Огромный кусок освежеванной баранины, в котором торчала рукоятка ножа, возлежал на разделочном столе неизвестного зрителю заведения. Капли крови, выписанные художником с виртуозной тщательностью, рубиново алели на столе. Рядом же стоял высокий фужер то ли с красным вином, то ли с только что пролитой кровью бедного животного. И к нему тянулись руки оставшегося за кадром алчущего возлияний человека. Длинные нервные пальцы с сильно развитыми суставами и огромным рубином на безымянном пальце правой руки... Ощущение подрагивания перстов жаждущего выпивохи было столь велико, что Маша беспрестанно ежилась.

– Откуда это у вас? – спросила она продавщицу, которая куталась в огромную пуховую шаль и с вождленным ожиданием посматривала на Машин кошелек.

– Купи – продам! – гикнула та обрадованно и эдаким ватно-пуховым коlobком подкатилась поближе.

– Нет, не нужно. – Маша даже попятилась. – Ее здесь не было. Еще вчера не было...

– Что, не нравится? А по-моему, красиво! – И продавщица с торгашеской назойливостью принялась уговаривать ее приобрести натюрморт. – Хоть и подарок, но все равно готова продать. Верь, как от сердца отрываю! И возьму недорого!

– Нет, нет, спасибо, мне не нужно... – Маша все пятилась и пятилась, пока каблук не повисли в воздухе на последней ступеньке, ведущей к выходу из него.

Она тут же развернулась и почти бегом выскочила из магазина.

На улицу! Под освежающие серпантинные метельные струи! Пусть стегают по лицу, пусть заползают под одежду, лишь бы вытравили из памяти это жутковатое наваждение. Надо же!.. Расскажи кому – не поверят. Более того – засмеют и сочтут чокнутой. Давно забытые картинки из детства... Чертовщина, да и только! Нет, ну а как иначе, если этот омерзительный натюрморт как две капли воды был похож на мазню, выползающую из-под кисти ее благословенного родителя, то бишь Сидорова Ивана Ивановича?

Самого его Маша помнила очень плохо. В памяти остались лишь вечно трясущиеся с похмелья руки, перепачканные в краске брючины да кисловатый приторный запах, который шлейфом тянулся за Иваном Ивановичем. Ни лица, ни голоса, ни тем более слов, обращенных к единственной дочери, она не запомнила. Но вот эти его мерзкие картинки... Какое-то время они даже снились ей. Огромные куски кровоточащей говядины, бараньи ноги и головы, отсеченные здоровенными ножами мясников. Попадались еще и блюда с губами и свиными ушами, но много реже. Основной же темой «творчества» ее папаши были и оставались освежеванные окровавленные туши.

Дубейный художник! Так называла его мать в те редкие дни, когда он появлялся дома. Уже став старше, Маша узнала, что производной к такому обращению явилось название одного из произведений Лескова. Узнала и то, что прославленный классик имел в виду обычного гримера. И даже обиделась на мать за то, что та посмела своей неосторожной метафорой осмеять нетленное произведение. По ее же мнению, папашка вообще не подпадал под определение художника, и место ему было в психушке. Нормальный человек, опять же по ее расчетам, не мог с таким наслаждением выписывать лохматящиеся окровавленные сухожилия и отчлененные от туловища головы бедных животных с синюшными толстыми губами и остановившимся стеклянным взглядом. Но Иван Иванович в психушку не спешил. И более того – весьма и весьма

успешно сбывал свою мазню. Маша подозревала, что таким же психам, как он сам. Вот тогда они и достаивались видеть дома «великого мастера» пред своими очами.

В дни коммерческой удачи Иван Иванович обычно бывал пьян и весел. Он приходил к ним с гостинцами, включающими в себя всегда один и тот же гастрономический набор продуктов: круг «краковской» колбасы, палка колбасного сыра, банка консервов в томате, одно большое яблоко и горсть карамели в слипшихся бумажках. То ли он был не очень изобретателен в вопросах выбора презента, то ли причиной являлся финансовый предел, переступить который он не имел права. Но приносил он всегда одно и то же. Маша тогда награждалась легким потрепыванием по затылку отцовской дланью, мог последовать еще и шлепок по ее тощей заднице. Мать получала в награду получасовое сюсюканье на тему, как она прекрасна и великодушна. Потом родители отправляли Машу спать, а наутро отца уже не было. Со временем визиты становились реже, а вскоре и совсем прекратились. Но вот эти его картины... Все кошмарные сны ее детства были связаны именно с ними. Мать ее даже к невропатологу водила, пытаясь выявить причину нервозности дочери. Назначали лечение, чередовали его с отдыхом в детских лагерях и санаториях...

Все проходит, стирается из памяти, испарилась и эта ее зависимость видеть в каждом бегущем навстречу баране освежаванную тушу. И тут вдруг нате вам... На самом краю земли, в благословенном краю заблудших душ стародавний толчок, и прямо в сердце...

– Чего это ты? – уставилась на нее Нинка, стоя у открытых дверей барака и смоля третью по счету сигарету. Бычки от первых двух еще дымились у ее ног.

– Чего? – тяжело дыша, ответила вопросом на вопрос Маша. – Чего я?

– Летела как сумасшедшая. Думала, что фонарный столб сейчас повалишь. И не купила ничего. Чего в магазин тогда ходила? – Нинка швырнула бычок к ногам и полезла за четвертой сигаретой.

– А ты чего тут столбом торчишь? То вопила, что волосы не просушила и холодно тебе, а теперь на таком сквозняке никотин поглощаешь! Случилось что?

Нинка судорожно затаилась, всхлипнула и, так и не раскурив четвертую сигарету, горько разрыдалась.

– Ты чего, Нин? – Маша опешила. Ее собственные страхи, разбуженные наваждением, показались ей сейчас смешными и ничтожными перед лицом такого горького горя, что выливалось у напарницы вместе со слезами.

– Пришла... Пришла, открываю комнату, а там!.. Эта сволочь нашла мои деньги и все... Представляешь, Машка, все до копейки пропил! А я так мечтала, что месяца через два за овраг перемертвю. А он нашел и все пропил! Что же мне теперь, тут до самой смерти гнить, в этом гадюшнике? Ненавижу! – Она принялась колотить кулаками о дощатую дверь, помогая себе пинками и ругательствами. – Сволочи! Сволочь на сволочи и сволочью погоняет! Отбросы! Ты права, Машка, одни отбросы здесь! И ты... Ты правильно сделала, что уколошила одного из них!

– Я не... – Маша хотела было возразить, но Нинка ее не слушала.

Безумно вращая глазами, она колошматила ни в чем не повинную многострадальную дверь, которой и без того доставалось в дни великих попок и выходных, и орала что есть мочи:

– Всех их нужно мочить, козлов! Всех! Все гады! Исключений быть не может! Машка, он просто взял и все пропил!!! А сам теперь валяется посреди комнаты задом кверху и храпит так, что стены содрогаются... Как же я?... Что же?... Ненавижу! Слушай! – Нинка внезапно прекратила свои бессмысленные истязания бесполезной деревяшки и, подлетев к Маше вплотную, вцепилась в ее куртку. – А пошли к тебе! Мне даже ночевать негде! Ну что? Что нос воротишь? Не пустишь, что ли?

Ей, конечно, не хотелось ни с кем делить свой закуток, будь то друг или недруг. Она любила спать одна и, кутаясь по самый нос в теплое одеяло, посмаковать пробуждение. Но не бросать же Нинку в таком состоянии на морозе, в самом-то деле!..

– Идем, – решительно оторвав ее цепкие руки от своей куртки, Маша шагнула в барачный коридор. – Идем, а то холодно здесь...

Все последующее произошло так быстро и неожиданно, что сколько она ни пыталась впоследствии припомнить какие-то детали, чтобы воссоздать полную картину поджидавшего ее ужаса, у нее ничего не выходило.

Как шли с Нинкой длинным коридором к двери ее комнаты, она помнила хорошо. Кто-то высунул нос из-за одной двери, разбуженный грохотом их шагов до деревянным доскам. Кто-то, кажется, шел им навстречу и даже, помнится, поприветствовал их. Кто именно – она не помнила. Потом она достала ключ из кармана. Вставила его в дверь, но он не поворачивался. И тут кто-то, кажется, Нинка, пнула дверь носком своего ботинка. Она непонятно почему отворилась. И еще не включив света, Маша уловила этот запах. Запах крови и смерти. Несколько минут назад она очень живо представляла его себе, замерев перед неизвестной картиной неизвестного автора. И тут он вдруг ударяет ей в нос, свербя ноздри тошнотворной обволакивающей сладковатостью.

Она тянет руку вверх, ползет пальцами по стене, стараясь нащупать выключатель. Но, странное дело, он никак не хочет находиться. А Нинка все напирает и напирает сзади, колошматя ей в спину своими сильными руками. Что за дурацкая привычка у человека, право слово? Чуть что совать ей меж лопаток своим кулаком!.. Что-то ведь кричала она ей тогда в ухо, но вот что? Разве вспомнишь после всего, что было потом?

Свет она все же включила. И за секунду до того, как ему вспыхнуть, она крепко зажмурилась. И тут же в ухо ей ударил отчаянный Нинкин вопль. Так визжат на живодерне, ей-богу! Кажется, она даже сорвала голос и натужно потом кашляла опять же ей в ухо. За ее спиной загрохотал целый камнепад чьих-то шагов. Суета, колгота, сдавленный шепот и повизгивание. Никто более не решился так какофонить ей в ухо. Никто, кроме Нинки.

– Батюшки! – ахнул отчетливо чей-то женский голос. – Вот беда-то! Что-то теперь будет?!

Сегодня она уже слышала несколько раз подобный вопрос. Даже самой себе его задавала. Но ни разу никто на него не ответил. Странно, но сейчас ответ прозвучал.

– А то и будет! – Ага, уже мужской голос с вполне прослушивающимся злорадством. – Каюк кому-то будет! Причем по вышке!

И тут она открыла глаза. То ли оттого, что сзади немилосердно напирали, норовя вдавить ее в зону, где, плотоядно ухмыляясь, поселилась смерть. То ли оттого, что веки вдруг зажгло, а колени свело так, что еще мгновение – и они подломятся. Но Маша открыла глаза и тут же снова их захлопнула, однако, пересилив себя, опять распахнула.

Она не завизжала. Она просто отвернулась и, ловко работая локтями, стала выбираться на волю. Прочь! Прочь от развороченного Федькиного тела. Прочь от ярких пятен крови, которыми была заляпана, казалось, вся комната до потолка. Прочь от еле сдерживаемого страха, овладевшего серой толпой, сразу ставшей вражеской монолитной субстанцией. Прочь отсюда!

Наконец-то Маша вырвалась из плотного кольца остолбеневших тел. Вжалась в дощатую стену и несколько непозволительно долгих мгновений смотрела в ровный ряд спин, выстроившихся у распахнутой двери ее комнаты. Потом тихо сползла по стене вдоль неструганных досок на пол и тут же отключилась.

Глава 4

Первый раз за год ему так не терпелось попасть на завод. Новости там передавались из уст в уста с суперкосмической скоростью, и пускай конечная версия сильно отличалась от первоначальной, правдивая суть в ней всегда присутствовала.

Володя шагнул внутрь салона «Газели», сдержанно поздоровался с сидящими и сел на свое обычное место рядом с водительским сиденьем. Народ не в пример обычному его состоянию настороженно помалкивал. Так, значит, вести от поселенцев просочились и в их благословенное закордонье, и теперь каждый сидит в одиночку, переваривая случившееся. Ментов сейчас понагонят – это точно, шмон устроят – это наверняка, начнут тягать в кабинет к начальству на предмет осведомленности – это как пить дать. Вышеперечисленные перспективы никого не радовали. Мало всем было проблем от уголовников, так теперь еще и это...

– Слышал, Володь? – осторожно поинтересовался водитель, молодой, только что вернувшийся из армии парнишка.

– Что именно? – на всякий случай решил уточнить тот, чтобы не влезть лаптями в лужу.

– Федьку замочили! – трагическим шепотом поведал водитель и резким рывком отпустил сцепление. – Представляешь? Только вчера он деваху одну в столовке полапал на виду у всех, а вечером его уже того... тю-тю! Во, блин, дела! Теперь начнется!

– Что именно? – Машина только что миновала мосток через овраг, и Володя осторожно, чтобы, не дай бог, кто не заметил, косил взглядом в сторону крайнего барака.

– А то и начнется! Менты, шмон, дознания. Так это опять же все ерунда. – Водитель вдруг сорвал правую ногу с педали газа и со всего маху опустил ее на тормоз. – Во, во! Володь, смотри! Вот здесь она живет!

– Да кто она-то? – решил он ломать ваньку до конца.

– Так эта девушка, из-за которой Федьку замочили! – почти возмутился паренек, кажется, его звали Сергеем.

– Так его что же, из-за нее? – Как ни старался он казаться равнодушным, но подобная трактовка происшедшего отчего-то ему самому не понравилась.

– А то из-за кого же? Все только об этом и говорят. Он ее обидел, а она его ударила. При всех, прикинь! Федька, говорят, полдня носился по поселку злой, будто черт. Водки выхлестал немеряно. И все орал, что она будет на коленях у него прощения вымаливать. И тут вдруг к самому ее возвращению такая оказия...

– Какая? – Этого он и в самом деле не знал, и это его как раз и интересовало более всего: как там и что было потом.

– Его, говорят, чуть не на куски порезали и к ней в комнату на кровать подложили. Во, блин! А она пришла с работы вместе со своей напарницей, а там такой сюрприз. Напарница ее, говорят, визжала, будто резаная. А она – Машка эта – хитрющая, все стояла столбом, а потом развернулась и прямо в коридоре упала...

– Как упала?! – Машина уже въезжала в заводские ворота, а он так ничего толком и не узнал.

– Сознание потеряла, что ли... Я толком не понял. Там потом полночи и «Скорая» стояла, и ментовский «уазик», и народ толпился. Мне от моего вагончика с крыльца хорошо все видно. Выйду покурить, а там все толпятся и толпятся...

– Девушку забрали?

– Какую девушку? – Сергей припарковался на обычном месте: небольшой площадке перед той самой злополучной дверью, через которую Володя вчерашним вечером выходил.

– Ту самую! Как там ты ее назвал?.. Маша, кажется. – На самом деле он с первого раза отлично уловил ее имя и даже несколько раз повторил про себя, примеряя его к ее высокой нескладной фигуре, облаченной в серую мешковатую спецовку.

– Нет, не забрали. Хотя болтают всякое про нее... Могла и она все это подстроить...

Володя резко, пожалуй, излишне резко, развернулся и посмотрел туда, куда Сережа повел подбородком. Так и есть: Маша медленно брела по узкой тропке вдоль высоких сугробов снега, сваленных дворовой бригадой. Сказать, что она паршиво выглядела, значило бы погрешить против истины. Она выглядела никак. Темная безликая тень, еле влачившая свое тело на подламывающихся ногах. Шапка, словно монашеский клобук, опущена так низко, что скрывает даже брови. Бескровные губы... Руки, спрятанные в рукава. Ввалившиеся щеки...

– Приехали! – весело оповестил водитель Сережа и обернулся к народу, зашевелившемуся на своих сиденьях. – Давай на выход, братва! И до вечера...

Снег препротивно заскрипел под ногами, когда Володя спрыгнул на землю. Вышел одним из последних, чтобы незаметно ото всех пристроиться за напарниками и попытаться подслушать что-нибудь из их разговора. Хотя, судя по шевелению их губ, говорила все больше напарница. Та, что была пониже. Маша угрюмо молчала.

– Уезжать тебе надо, Машка! – с заметной досадой в голосе громко шептала ей та почти в самое ухо.

– Некуда...

Такое безнадежное и пустое слово. Некуда... Здешнее поселение полупридурков было тупиком для нее. Концом всех ее путей. И даже эта конечная станция не стала для нее пристанищем. И отсюда ее гонят. Гонят люди, гонят обстоятельства...

Володя мысленно чертыхнулся. Нет, ну откуда эта непонятная жалость к этой непонятной девице? Устал от отсутствия проблем? Нужны чужие, да побольше? Нет, нет и еще раз нет!.. Но черт бы все побрал, ведь она совсем ни при чем! Пришлась как нельзя кстати ее пощечина, ко времени, так сказать. Он не сразу догадался об этом. Проворочался большую часть ночи без сна. Наплевал на свою ежевечернюю сиесту с бутылочкой пивка и все думал и думал. Потом надумал и ужаснулся.

И теперь, идя след в след за парочкой в серых ватниках и изо всех сил стараясь казаться равнодушным, Володя напряженно размышлял.

Вмешаться или нет? Вмешаться или нет?.. Если вмешаться, то... то, черт возьми, это может ему так аукнуться, что мало не покажется. А если не вмешиваться, то аукнется этой высокой барышне с темным прошлым. Что-то она такое вчера говорила о своем прошлом?.. Кажется, что ее подозревали в убийстве мужа. С чего бы тогда не начать ее подозревать и в убийстве Федьки? Запросто! Ведь только ему, Владимиру, известно, что ее там не было. Но попробуй доказать это кому-то еще...

С милицией все понятно, они не дураки, разберутся сразу. Опросят свидетелей. Сопоставят время и все такое...

Другое дело – местные авторитеты... Н-да, здесь могут быть самые плачевные и непредсказуемые последствия. Пусть даже и они сами его убили, что скорее всего так и было, они теперь не имеют права не отомстить за смерть своего кореша. Нужно искать крайнего. А крайняя – вот она, еле плетется длинным коридором и еле слышно отвечает на назойливые вопросы подруги. Да и подруга ли она? Может, ему показалось, а может, нет, но когда Маша уже скрылась за дверью, ее напарница суетливо заозиралась, словно искала кого-то. Володя проследил за ее взглядом, но никого не увидел. Но вот это ее визуальное сканирование заводского подворья отчего-то ему не понравилось. Очень не понравилось...

До обеденного перерыва оставалось минут сорок, не больше, когда камень в левой почке опять о себе напомнил. Он только-только запер шкаф со слесарными инструментами, пытаясь отыскать там непонятно куда пропавшие сверла, и начал выпрямляться, когда острая боль рас-

полосовала ему левый бок, обильно сыпанув по всему телу. Володя даже охнуть не успел, просто кулем свалился на пол и инстинктивно поджал колени к груди.

Вот оно! Уже аукается его вчерашнее подглядывание. Провалился в снег, вместо того чтобы домой шмурыгать, вот теперь получаешь воспалительный процесс со всеми вытекающими отсюда последствиями. Он попытался вдохнуть и выдохнуть. Чуть отпустило, но не совсем. Еще немного стоит полежать без движения, а потом вставать. По полу несет таким холодом, что похлеще лежания в сугробе. Да не хватало еще, чтобы на него кто-нибудь наткнулся здесь. Кажется... Кажется, уже кто-то идет. Володя попытался было встать, но боль вернулась снова и снова пригвоздила его к бетонному полу. Тогда он чуть отполз с прохода, спрятавшись в тени между мусорным контейнером и металлическим шкафом. Авось пронесет и его никто тут не заметит. Не заметит его немощи и слабости перед этой немощью. А значит, не будет повода для лжесочувствующих и презрительных взглядов. Этого он не терпел. Ни жалости, ни презрения. Лучше равнодушие, чем одно из этих чувств, и еще неизвестно, какое хуже...

– Стой! – слабый окрик, хотя и был еле слышным, все же, судя по всему, принадлежал мужчине.

Шаги, вспугнувшие Володю, моментально стихли. И тут же раздались другие, вкрадчивые, едва различимые. Потом стихли и они, и снова раздался невнятный мужской шепот:

– Ну что? Уговорила?

– Да как я ее уговорю-то? Одно дело на ночлег napроситься и представление перед всеми разыграть, а другое вытащить ее на мороз бог знает куда и бог знает под каким предлогом! Что я ей скажу? Что?

– Не ори!..

Донеслись звуки какой-то возни, сдавленный женский вскрик. Потом она всхлипнула и сквозь всхлипывания попросила:

– Ну отстань ты от нее! Чего она тебе?

– Заткнись, дура! Заткнись, пока я тебя головой в этот бак не сунул. Чего она мне? Давай, замени ее. Мне все равно, кого...

И тут он добавил такое, что Володя молниеносно позабыл обо всем. И о боли в левом боку, и о том, что валяется в приступе почечной колики на бетонном полу, да и вообще о том, что у него в организме где-то присутствует такой орган, как зашлакованная почка. Он снова покрылся потом, только теперь уже совсем по другой причине, и постарался дышать потише.

Чего это его второй раз выносит не в то место и не в то время? Или как раз наоборот?.. Или судьба нарочно посылает его, чтобы он сумел-таки вмешаться и защитить ее... Ой, вот только снова этого не надо! Никаких слабых и незащищенных! Никаких милых завитков на затылке и нежного чистого дыхания! Никаких хрупких ключиц и сексуальных родинок под одной из них! Не надо, не надо, не надо!!!

– Приведешь ее, как только все в столовку потянутся, поняла?

Снова и снова вклинивался в Володины мозги голосовой шелест. Гвоздил туда, разрушая всю его защитную броню, которой он отгородился от всего этого адского племени «милых и незащищенных».

– Ума не приложу, как я это сделаю?! – снова всхлипнула женщина, которая всего лишь каких-то несколько часов назад увещевала свою напарницу уехать, скрыться от неприятностей. – Туалет, что ли, забейте!

– Чего-чего?

– Мы всегда перед тем, как идти в столовую, с ней в туалет бегаем. Дверь забейте, тогда у меня будет хоть повод предложить ей пройтись туда...

– Ну вот! – почти в полный голос обрадованно произнес мужчина, и Володя без труда узнал в нем сменного электрика. И даже вспомнил, что именно ему одалживал сверла, которые так безрезультатно проискал перед тем, как свалиться.

Н-да... Дела... Что же делать-то? Играть в благородство или постараться списать все на собственное равнодушие и подлость? Заманчиво, конечно, но не в его стиле. И поэтому спустя полчаса Володя, словно закланый ишак, как он сам себя поименовал, поплелся в противоположную от столовой сторону. Туда, куда пошла влекомая своей напарницей Маша...

Место «авторитетными мстителями» было выбрано верное. Туда никто и никогда без лишней нужды не заходил и не забегал, на то кладбище старой, давно отработанной тары и оборудования. «Отстойником» именовал его каждый вновь заступающий директор, и каждый поочередно пенял тому, кто сподобился начать это гиблое дело – складировать там отходы. Но каждый следующий упорно и последовательно отвоевывал у пустоши все новые территории.

Об этом месте ходила дурная слава. Поговаривали, что оно было разбито на сектора и каждый из них принадлежал кому-то, а уж потом этот кто-то использовал каждый свой сектор по назначению. Кто торговал паленой водкой. Кто травку сбывал. Кто в покер резался на большие ставки. А может, во всем этом не было и доли правды, но тем не менее Машу ждали именно там...

Володя еле дотерпел до начала обеденного перерыва, одним из первых выскочил на улицу и почти тут же, невзирая на боль в боку, согнулся в три погибели и для отвода глаз принялся мусолить шнурки на ботинках.

Народ повалил ровно в двенадцать, беспрестанно молотя тяжелой дверью о железную притолоку. Маша с напарницей вышли в общей толпе, но тут же отделились и, энергично трамбуя снег подошвами резиновых спецовочных сапог, заспешили за угол. Им предстояло пройти метров двадцать вдоль корпуса завода, затем выйти через северные ворота проходной, которая именовалась так чисто символически, поскольку не имела ни турникета, ни охранника. Потом преодолеть метров десять неогороженной незахламленной территории. За ней начиналась территория отстойника с вбитыми в промерзшую землю покосившимися кольями, кое-как обмотанными давно проржавевшей колючей проволокой. С целым разветвлением пешеходных тропок и огромными грудями разного хлама, образующего высокие, почти двухметровые стены вдоль этих дорожек. Жутковатое местечко! Нормальный человек в доброй памяти вряд ли туда пошел бы добровольно. А Машка тем не менее шла.

Володя, осторожно следуя за ними, поражался ее тупоумию. Неужели так тяжело понять, зачем ее туда тащат? Ни одна естественная нужда не заставит плестись в отстойник, тем более что большая половина заводских барышень нашла для этого дела места и поближе. А она идет! Идет и даже головы не повернет! Хотя все может еще и обойтись и все его страхи, невзирая на подслушанный разговор, могут оказаться надуманными.

И снова непонятный жалостливый укол в сердце заставил его поморщиться. Ладно бы просто из благородства волочился следом, так еще и это. Жалость-то тут при чем? Что она ему – эта нескладная деваха с мучнисто-белым лицом и неуклюжими, заплетающимися одна за другую ногами? Благо была бы красавицей...

Две головы в серых платках мелькнули на фоне груды ржавого железа и изодранного в клочья потемневшего картона и тут же исчезли. Володя прибавил шаг. Теперь главное не упустить их из виду, что запросто может случиться в этом лабиринте.

Он тут же побежал и уже через несколько минут беспомощно метался по истоптанным человеческими следами дорожкам. Кто бы мог подумать, что сие место столь посещаемо! А он так надеялся отыскать девушек по следам... Теперь же оставалось только бегать и прислушиваться. И снова бегать. Но сколько Володя ни напрягал слух, он так ничего и не уловил. Прошло уже почти пять минут, секундная стрелка немилосердно ползла к шестой, а кругом

стояла та же тишина, ни крика, ни стопа, ни скрипа снега под ногами. Может, и правда все обойдется. Может, и в самом деле его страхи беспочвенны...

– Черт! Черт! Черт! – шептал он, покрываясь ледяным потом от мысли, что сейчас может происходить в недрах этого жуткого места.

И тут снова – хрясь ему в левый бок! Да так, что в глазах разом померкло. Он почти навзничь упал в снег и, боясь дышать, замер. Нет, с этим надо что-то делать. Еще парочка таких приступов – и он может не подняться. И это в тридцать-то лет! Нет, пора... пора здоровьем заниматься основательно, а не играть в Робин Гуда и не хлестать пиво на ночь. Второй приступ за день, это уже... это уже... И тут, чуть повернув голову вбок, он в который раз похолодел душой и телом. Все-таки это уже того... действительно перст судьбы. И не просто так он второй раз за день валится с ног. Это все же рок какой-то укладывает его на обе лопатки, с тем чтобы дать возможность расслышать...

Не дураки были наши далекие предки, что припадали ухом к земле, выслеживая вражескую конницу, ох не дураки. Владимир слышал не только отчетливые звуки борьбы и сдавленных ругательств, но и увидел суетливое мельтешение чьих-то ног в соседнем с ним ряду. В узкую, почти у самой земли, щель в ржавой автомобильной двери отчетливо просматривались четыре пары мужских ног, которые без устали сновали взад-вперед. Они словно исполняли ритуальный танец, кровавый смысл которого был слишком понятен.

Куда опять подевалась его боль, одному богу было известно. Но в соседнем ряду он очутился минуты три спустя.

– Эге-гей! – крикнул он громко и для чего-то захлопал в ладоши. – Господа, попрошу внимания!

Именно так он входил в свой офис в той, прежней, благополучной жизни. Именно так всегда смотрел на своих подчиненных: чуть свысока, чуть иронично и почти всегда снисходительно. Даже когда ему совсем нечем было их порадовать, даже когда новости были из разряда «плохих» и «очень плохих». Он всегда смотрел на них так. И это всегда срабатывало. Ему даже не нужно было повышать голоса. Упаси бог кричать! Персонал смотрел ему в рот и ловил каждое слово. Это всегда срабатывало тогда. Как-то пройдет это сейчас?..

Их было четверо. Здоровенные ребята. Распаленные и возбужденные, они на мгновение отступились от своей жертвы и теперь, выталкивая из ходивших ходуном легких клубы воздуха, настороженно взирали на непрошеного гостя.

Тот самый электрик, что забрал у него сверла да так и не вернул. В распахнутом на груди бушлате, с непокрытой головой и почти расстегнутыми штанами.

Двое незнакомых парней, совсем еще молодых, с испещренными татуировками запястьями. С ними все понятно...

И еще один. Этот был охранником. Их заводским охранником. Ему Володя собственноручно подписывал табеля. Ловил на себе его подобострастные взгляды и улыбки, когда закрывал глаза на его прогулы и опоздания. Теперь он был в стане врагов и, видно, перетрусил больше всех. Это было много хуже первых трех.

Маши он за их спинами не увидел. Но, судя по ее отчаянным судорожным всхлипываниям, она была жива. Это уже хорошо.

Ее напарница, почти свернувшись клубком, присела на корточках в метре от него. Плечи ее вздрагивали то ли от страха, то ли от рыданий. Володя склонился к первому.

– Ходи мимо, – сдавленно пробормотал один из молодцов в наколках. – Не твой базар, не лезь.

– Ты бы это... правда... Николаич, шел бы от греха подальше, – встрял второй скрипкой охранник, облизнув судорожно подрагивающий рот.

Вот эти судорожно подрагивающие губы и были по-настоящему опасны. И еще его пальцы, вцепившиеся в каркаси́ну старой железяки. Те – другие – его не боялись, и с ними

можно было попробовать договориться, но вот этот мгновенно струхнувший перед возможным разоблачением мужичонка мог наворотить дел.

– Мне ваш базар без надобности, – спокойным и ровным голосом пояснил Володя, сделав пробный шаг им навстречу. – У меня просто возникла одна проблема и, подозреваю, вы мне можете помочь.

– Что за проблема? – Электрик метнул настороженный взгляд себе за спину и приник плечом к ребятам в наколках.

– Да и не проблема даже, а так... пустячок. – Володя полез в карман и вытащил початую сигаретную пачку. Он всегда держал ее там на всякий случай. Сам не курил, а для любителей пострелять держал. – Покурим, братва?

Не то чтобы атмосфера разрядилась, но все же что-то дрогнуло в их лицах. Пропала настороженность, испуг в глазах охранника стал поуже. Клубы воздуха, вырывающегося из их луженых глоток, стали поразряднее. И тут – о чудо! – электрик поддернул на себе штаны, застегнул верхние две пуговицы и потянулся к пачке со словами:

– Можно и курнуть. Чего же... А то в глотке пересохло, пока эту лярву брыкастую ломали...

Володя сделал вид, что не расслышал, и тут же без промедления принялся угощать мужиков сигаретами. И пальцы его при этом абсолютно не дрожали, хотя внутри все вибрировало, словно плохо зажелированное заливное. Маша так и не показалась из-за их спин, продолжая всхлипывать, что-то там с ней... Ее напарница странно как-то подхрюкивала, все так же подергивая плечами. И тут еще этот охранник...

Все четверо дружно закурили, молчаливо сверля Володю глазами.

Понятно... Настала пора приступить к объяснениям. Его уважили, оторвавшись от своего дела. Закурили, тем самым соблюдая приличия. Теперь он, как говорится, должен был и честь знать.

– Мужики, гм-мм, – Володя прокашлялся, наподдал ногой какую-то жестянку и, подняв к сумрачному небу подбородок, как бы нехотя обронил: – У меня тут с Витебским встреча была пару дней назад... Просил его помочь в одной моей проблеме. Он обещал... Да, обещал... Только, думаю, опоздает...

Все, кто стоял сейчас напротив него, замерли с поднесенными к губам сигаретами.

Личность Витебского в поселке была известна каждой бродячей кошке. Его побаивались даже такие закоренелые отморозки, как покойный Федор. И не потому, что Витебский был ментом при звании и курировал местное поселение. А потому, что ходили слухи, и Володя небезосновательно предполагал – верные, о том, что тот был смотрящим региональной бандитской диаспоры. О такой крыше можно было только мечтать, и далеко не каждому оказывалась такая честь, но здесь его боялся каждый.

Сейчас, опираясь на зловещий авторитет Витебского, Володя блефовал лишь наполовину. На самом деле он имел беседу с этим господином, называть которого товарищем либо гражданином у него не повернулся бы язык. И они даже пришли к консенсусу, но вот только... совсем по другому вопросу, который к теперешнему имел такое же отношение, как земляной червь к межпланетному кораблю многоразового использования.

– Ну и че? – первым опомнился один из за татуированных поселенцев. – Мы-то че?

– Заткнись, Слав, – сурово оборвал его охранник, что совсем не показалось Володе странным. Слава проглотил невысказанные вслух слова. – Николаич... ты это... Хорош темнить. Говори по существу.

«Ага! Вот кто, оказывается, у нас главный! Недаром ты мне с самых первых минут не понравился больше всех...» – Володя мысленно похвалил себя за ловкий психологический маневр и, решив, что опасная стадия в переговорах осталась позади, огляделся.

Н-да... Не его бы величество случай, искал бы он Машу в этих трущобах еще дней десять. С трех сторон перевернутые на бок проржавевшие в труху кабины грузовых автомобилей. Они давно обросли горами рваного картона, ветоши и дровяных щепок, образовав почти уютную гавань в этом море разливанном отжившего хаоса. Это был своего рода маленький тупичок, попасть в который, петляя по длинным рядам мусорного кладбища, было очень затруднительно. Нужно хорошо ориентироваться здесь, чтобы догадаться откинуть брезентовый полог, закрывающий собой вход сюда. Хорошо все же, что ему снова прострелило левый бок. Хотя хорошо или нет, ему еще предстояло узнать...

– Я говорил, что у меня одна малюсенькая проблемка? – Володя дернул губами, пытаясь изобразить улыбку. – Так, мизер какой-то.

– Стал бы ты по малюсенькой проблемке с Витебским балакать! – не оценил по достоинству его юмор парень, названный Славиком, но тут же снова осекся, поймав на себе предостерегающий взгляд заводского охранника.

– Что за проблема? – устал задать электрик и нервно придавил окурок в утопанный их ногами снег. – Мы-то тут при чем?

– А проблема моя – вон, за вашими спинами носом хлюпает, – как можно спокойнее пояснил Володя, хотя внутри у него все затрепетало пуще прежнего. Сейчас или никогда, и если не сейчас, то уже и никогда... И он зачастил, зачастил, плохо подбирая правильные слова, но не сворачивая с выбранного пути ни на шаг: – Устал уже, честное слово, из всяких передрыг ее вытаскивать. То одно, то другое. Так не то что до золотой, до самой первой свадьбы с ней не доживешь, честное слово! Машка, ты чего там притихла? Иди сюда немедленно! Я уже устал! Только-только с Витебским перетерли насчет тебя. Только-только на свадьбу его успел пригласить, как ты опять по уши вляпалась. Чего там хлюпаешь, иди сюда немедленно!

Все, кто стоял сейчас на этом крохотном пятачке, остолбенели. Монолог свалившегося им на голову – словно черт из табакерки – Николаича, как величал его заводской охранник, произвел эффект разорвавшейся бомбы. Парни ошалело хлопали глазами, поочередно переводя взгляд друг на друга. Электрик что-то беззвучно бормотал, опустив глаза на носы своих тупорылых спецовочных ботинок. Охранник был единственным среди них, кто смотрел прямо на Володю. Противно так смотрел, недоверчиво, с омерзительной кривоватой ухмылочкой. Да еще Машкина напарница подняла голову и перестала наконец трясти плечами. Все молчали. Молчали минут пять, никак не меньше. Даже всхлипывания за их плечами прекратились.

Через пять минут беззвучного кривоватого похмыкивания охранник сунул руки в карманы форменного бушлата и, разом посуровев лицом, процедил сквозь зубы:

– Если я правильно понял, то эта паскуда, что порешила Федьку, твоя баба?

– Про Федьку не будем. – Володя напрягся, не сводя глаз с его крепко сжатых кулаков: кто знает, что он может извлечь из этих карманов. Здешний народ на запреты о ношении холодного и огнестрельного незарегистрированного оружия плевал с высоты своих авторитетов. – А девушка моя...

Потом мысленно обмахнул себя крестным знаменем и, как в омут головой, брякнул:

– Жениться собираемся...

– А чего же с Витебским-то перетирал? Благословения, что ли, испрашивал? – Опять отвратительная ухмылка исказила далеко не совершенные черты охранника. – Так его по такой мелочи может разве что дурак беспокоить. И вообще, Николаич, не верю я тебе. Свадьба какая-то... Хм-м, первый раз слышу! Чего же я тебя ни разу вместе с ней не видел? И в тот день, когда Федор ее тискал в столовке... Чего же не вступился-то, жених?!

– Я не видел! – совершенно искренне возмутился Володя, а между лопаток предательски взмокло. – Разве же я бы позволил?!

Он видел. Он все видел от начала и до конца. Но не знал, видел ли кто его там, потому что его взгляд в тот момент был прикован к контуру ее груди, который очертили порочные

Федькины руки. Он уповал на то, что внимание присутствующих в тот момент было сконцентрировано на том же.

– К тому же наше с ней решение мы держали в тайне в связи с обстоятельствами, которые тебе знать совсем не обязательно. – Володя начал злиться. Объяснение с этим человеческим отребьем жутко действовало ему на нервы. А тут еще Машка не откликнулась на его призыв, притихла там чего-то, и даже ее дыхания не стало слышно.

– Но если я захочу... – Охранник все еще продолжал держать стойку, но уже без бывшего напора. А его дружки как-то так, боком-боком, отодвинулись, и стало заметно, что ситуация их явно тяготит и что они совсем даже и не против смыться отсюда подобра-поздорову.

– А мне плевать на то, что ты захочешь! – обнаглел окончательно Володя, поняв, что первую партию он выиграл и теперь оставалось только вытащить из снега Машку. Какого черта она там притихла?... – Я пришел за своей женщиной и уйду отсюда только с ней! Вопросы есть?

Вопросов ни у кого не было.

У него самого, правда, к самому себе вопросов появилась уйма, но задаваться ими сейчас было не время. Нельзя было позволить, чтобы взбормозило лоб морщинами неудовольствия собственным труднообъяснимым благородством, чтобы губы сами собой начали выдавать бранные слова в свой адрес. Потому самым благим делом было доиграть свою роль великодушного идиота до конца.

– Ладно... – с плохо завуалированной угрозой процедил сквозь зубы охранник и, едва не задев его, пошел следом за своими подельщиками. Потом все же не удержался, притормозил и ткнул Панкратова в плечо. – Ты это, Николаич, не сильно надейся на то, что тебе это сойдет с рук. Я и на Витебского выйти могу, будь уверен. И уж ежели ты мне сбрыхнул, то... сам знаешь...

Они все ушли, не забыв на прощание пробормотать еще что-то угрожающее.

Володя мог об этом только догадываться, но плохо вслушивался в угрозы. Все его внимание сейчас было приковано к свернувшейся клубком на снегу Маше.

Черт знает что происходит с этим миром! На дворе двадцать первый век, а здесь такое средневековое варварство!

Маша была почти голая. От тех вещей, в которых она вышла в обеденный перерыв с завода, на ней не осталось почти ничего. Обрывки серой ткани, едва прикрывали ее белое, очень белое – о черт! – тело. Мерзавцы ухитрились стянуть с нее даже резиновые сапоги. Они валялись в стороне, перекрестившись друг с другом резиновыми трубами негнущихся голеней. Спецовочные штаны, куртка, платок – все было изодрано в клочья. Невредимой оставалась лишь телогрейка, видимо, ее они стянули в первые минуты нападения либо просто сил не хватило разодрать еще и ее. Хорошо хоть, пока Владимир проводил с четверкой негодяев непринужденное психологическое облапошивание, Маша догадалась подтянуть к себе телогрейку и кое-как накинуть ее на свои вздрагивающие плечи.

– Поднимайся! – Володя подошел к ней, не решаясь нагнуться и поднять со взрытого их ногами снега. – Промерзла совсем.

Маша никак не прореагировала. Сидела, содрогаясь всем телом, и тупо смотрела в одну точку перед собой. Колени крепко сжаты и подтянуты почти к подбородку. Руки с посиневшими костяшками пальцев судорожно вцепились в фалды телогрейки, скрестились локтями на груди. И абсолютно никакой реакции. Бездумный взгляд, устремленный в грудь ржавого металла. Почти безжизненное тело, сведенное судорогой страха. С этим нужно было незамедлительно что-то делать.

Володя перевел взгляд на ее напарницу и с плохо скрытой брезгливостью попросил:

– Давай-ка помоги мне. А то, чувствую, она тут еще полдня просидит, пока окончательно не закоченеет.

Нинка цепным Шариком подкатилась к его ногам, судорожным движением подняла свое мохлястое тело со снега и, заискивающе улыбаясь, пробормотала:

– Мы это мигом... Ей переодеться бы, так я сбегаю, принесу чего-нибудь.

– Ну давай тогда, беги. А я тут постараюсь сам справиться. Одна нога здесь, другая уже там. Бегом!

Нинка упорхнула огромной молью, и Володя почувствовал вдруг, что ему стало легче дышать.

Надо же, как на него все еще давит человеческая подлость! Сколько лет живет, сколько лет его жизнь учит, а вот поди ж ты, никак не привыкнет к ее липучей лицемерной въедливости. Всякий раз у него в носу свербит от ее близкого присутствия и хочется вымыть руки. Он и в самом деле опустил колени в снег и глубоко зарыл в его вспененном крошечке кисти рук. Потом отряхнул их и полез было за носовым платком в карман, но вспомнил, что забыл его утром на туалетной полочке перед зеркалом. Когда брился и нечаянно порезался. Промокнул порез платком, положил его рядом с пеной для бритья, там он и остался.

– Вот, возьмите...

Он поднял глаза и оторопело уставился на кружевной, кипельно белый четырехугольник, который протягивала ему синюшная от потрясения и холода Мария.

Надо же, ожила! И за платком в карман телогрейки успела слазить, и даже голосом вполне натурально владеет.

– Спасибо, Маша. – Он принужденно улыбнулся, взял платок из ее ходящей ходуном руки, отер пальцы и тут же попросил: – Ты бы встала, что ли. Простудишься, свалишься, что мне потом с тобой делать прикажешь?

Маша, дернув шеей, согнала с лица длинную челку и уставилась на него темно-серыми – точь-в-точь сизое небо над их головами – глазами и, еле разжимая бескровные губы, спросила-таки наконец:

– А что именно вы собрались со мной делать?..

Глава 5

Этот вопрос волновал ее с той самой минуты, как этот человек возник в поле ее зрения. Сначала она услышала его голос. Так, ничего себе голос, хотя особенной мужественности в его вальяжных перекатах при слове «господа» она не услышала. Потом появились его ботинки на толстой подошве, добротные и наверняка дорогие. Брюки... хм-м, аккуратно выглаженные, но почему-то все в снегу. Как если бы он долгое время катался по земле, имитируя лошадиные забавы. Теплая пуховая куртка... Ну, конечно же, «Блок Бастер», и не из тех, что на рынке по полторы тысячи рэ. В этом Маша разбиралась неплохо. Стильная вязаная шапочка, низко надвинутая почти на глаза. Рассмотреть их цвет не представлялось возможным: перед ней постоянно металась тень ее мучителей. И этот непонятно откуда взявшийся человек то появлялся, то вновь исчезал из поля ее зрения. Они закурили, потом что-то обсуждали. Говорили даже что-то о ней. Пару раз недоуменно ударило по ушам патриархальным словом «свадьба», непонятно, конечно же, в какой связи. Ей удалось незаметно ото всех за рукав подтянуть к себе отброшенную ими телогрейку и кое-как пристроить ее на своем почти обнаженном теле. Холодно было до зубовой ломоты. Еще больше стыдно – за свою беспомощность и глупость. Мелькали же в мозгу подозрения, что Нинка неспроста отлучалась пару раз, а потом вдруг ни с того ни с сего поволокла ее бог знает куда по мизерной нужде. Нет, поперлась. И вот, пожалуйста... Хорошо, что этот добряк вовремя появился, а то бы разнесли ее клочки по закоулочкам этого кладбища разлагающегосяхлама. Хотя кто его знает – такой ли уж он добряк?..

Она стала вслушиваться, и когда тот внезапно отвердевшим голосом начал требовательно называть Марию своей женщиной, ей снова сделалось жутко.

Почему, спрашивается, каждый считает своим долгом вмешиваться в ее жизнь и корезить там все, выворачивать наизнанку, навязывать ей что бы то ни было? Это что, епитимья такая на нее наложена вкупе с традиционными именем, фамилией и отчеством? Когда же ей будет дозволено, наконец, сделать хоть что-то самостоятельно? Принять какое бы то ни было решение? Устроить все так, как хочется ей и только ей одной. Без вмешательства пап, мам, мужей, друзей...

Но тут он упал перед ней на колени. Зарыл свои длинные, совсем не рабоче-крестьянские кисти рук в грязный снег и принялся тереть их друг о друга.

Маша поняла это по-своему. Потому и протянула ему свой платок. Скользнула быстрым взглядом из-под упавших на лоб волос по его лицу и подивилась темным кругам у него под глазами. Сами же глаза были совершенной, нетронутой ни единым вкраплением прозрачной голубизны. Девчоночьи длинные ресницы, бровей видно не было из-за нижнего края шапки, но ресницы были приятного темно-русого оттенка. Голубые глаза, пушистые ресницы, яркий, совсем не властный рот, далекий от совершенства хрящеватый нос и эти темные полукружья... Нет, что-то с ним все-таки было не так, с этим парнем. Вроде на первый взгляд приятен и презентабелен: одежда, манеры, опять же глаза смотрят достаточно открыто, пусть с легкой самоиронией, но безо всякого зла на самом их дне.

Но вот как раз это-то и настораживало...

С чего бы такому славному парню оказаться в их захолустье? Что он забыл на их консервном заводишке? Пускай платят неплохо, но совсем недостаточно для того, чтобы носить на мизинце золотую печатку с россыпью бриллиантов по черному полю оникса... И уж совсем совсем непонятен его рыцарский порыв, затащивший его в этот отстойник. Она же не была дурочкой и знала, что бесплатный сыр может быть только в мышеловках. А отсюда следует: если он взялся вытаскивать ее из дерьма, значит, что-то ему от нее нужно.

Об этом она у него прямо и спросила.

Первое мгновение, самое первое крохотное мгновение, он озадачился враждебностью, с которой Маша задала вопрос. Но тут же беспечно пожал плечами и совсем уж беззаботно брякнул:

– А черт его знает! Сам не знаю, что на меня накатило! Ладно, поживем-увидим. Ты бы это... встала все же. У вас ведь, женщин, там всякого добра внутри полным-полно. Застудишься, начнутся какие-нибудь осложнения, потом рожать не сможешь.

– А нужно, чтобы я рожала? – подивилась она такому повороту и сделала попытку подняться со снега.

Заледеневшие ноги плохо слушались и расплзались в разные стороны, колом торчали посиневшие коленки, руки не хотели разжиматься. Тут ведь еще нужно было заботиться о том, чтобы никакая часть ее тела не стала предметом достояния его пристального внимания. А смотреть, да как пристально, он умел. Серьезный, ничем не замутненный взгляд. Смотрит, как на копошащегося под микроскопом паука и гадает, наверное, как долго еще протрепыхается ее приплюснутое обстоятельством тельце.

«Упрямая...» – думал Володя, наблюдая за тем, как Маша пытается подняться на ноги.

Его помощь она отвергла сразу, не позволив даже подхватить за локоть. Отчаянно затрясла заострившимся подбородком и пискнула что-то жалобно-беспомощное. При всем при том старательно пыталась скрыть от его глаз свою наготу. Чудачка!.. Пока она куталась в свою уцелевшую телогрейку, он предостаточно натарашился на все, что плохо скрывали разодранные в клочья ее тряпки. Все рассмотрел и с прискорбием констатировал, косясь на нежно-розовый сосок груди, что девочка-то, оказывается, очень-очень даже ничего. Почти даже в его вкусе. Поразительно белая и, невзирая на крупные пупырышки мурашек, гладкая кожа. Длинные ноги. Странно, что он этого не заметил раньше. Хотя такие порты да сапожищи любое совершенство изуродуют. Объем груди – к чести его надо отметить – Володя определил навскидку еще в столовой. Как только Федька облапил ее, выставив на всеобщее обозрение, так он сразу, почти автоматически его и засвидетельствовал. И сейчас удовлетворенно хмыкнул, поняв, что не ошибся: конкретный третий, сомневаться не приходилось. В этот момент, поймав его взгляд, сопровождающийся удовлетворенным похмыкиванием, Маша как раз в очередной раз съезжала по бортику ржавого автомобильного кузова в снег. Руки ее, словно крылья, инстинктивно разлетелись в разные стороны, пытаясь ухватиться хоть за что-нибудь. Телогрейка свалилась с голых плеч, и ее белые крупные груди, словно ошалевшие голодные поросята, вывалились наружу, розовыми пяточками сосков целясь прямо в него.

«Черт, черт, черт! – мысленно простонал Володя, едва не дав отсюда деру. – Вот влип так влип! Гарик меня повесит за одно место, если узнает! Могу представить его вселенский вопль по этому поводу! Черт, но хороша же... Ну так хороша... Хотя при таком теле мордашка могла бы быть и поинтереснее... Нет, надо срочно спасать ситуацию!»

Как это ни странно, спасти ситуацию удалось Нинке. Словно и не она являлась участницей подлого тайного заговора против своей напарницы. И вовсе не она завлекала ее в ловко расставленные отщепенцами сети. Она ворвалась с накрашенным возбуждением лицом и, рухнув перед Машей на колени прямо в снег, принялась натягивать на нее принесенную одежду. Чьи-то гигантских размеров спецовочные штаны и растянутый до размеров ветряной мельницы неопределенной расцветки свитер.

– Давай, Машунь, – хлопотала благочестивая Нина, терпеливо втискивая негнувшиеся Машкины ноги в широченные штанины. – Твоих вещей что-то в шкафу не оказалось. Вот, принесла что сыскалось. Застыла совсем, беда какая...

О том, что беда с той могла произойти порядков на сотню покруче, Нина благополучно подзабыла. Прямо как подключилась к акции по спасению, так все напрочь из головы и вылетело. Ухлопотала Машу едва не до обморока, не поленившись даже завязать концы платка у той на затылке.

– Все, Мань, порядок, – с воодушевлением пробормотала Нинка и любовно оглядела напарницу с головы до ног. – Будто ничего и не случилось. Только это... Чего же дальше-то теперь будет?

И тут ее взгляд переметнулся на Володю. И его снова, в который раз за сегодняшний день покорила ее подлая сущность. Только-только буквально захлебывалась в добродетельном порыве и тут же – бац! – все пропало. Настороженное любопытство проступило на ее лисьей физиономии, как проступает портрет лица из купающегося в ванночке с химикатами негатива.

«Тьфу ты, чертово отродье! – выругался про себя Володя, почти грубо хватая Марию за руку и увлекая за собой. – Надо же было Машке так вляпаться! Мало ей было очутиться именно в этой географической точке, тоже ведь не за романтикой сюда рванула, наверняка не за ней... так еще господь ей эту бабищу послал в подруги...»

– Эй, Николаич! – растерянно крикнула ему в спину Нина, с точностью копируя манеру обращения к нему заводского охранника. – Так что там теперь будет с Машкой-то?

Он разозлился, загородил собой Марию, неуклюжей тряпичной куклой перебирающую ногами, и с неожиданным апломбом заявил:

– Все с ней будет хорошо, понятно? Более того, с ней теперь уже ничего плохого не будет! Ничего и никогда! Поняла? И передай там это по своей сети!

– Ишь ты! Вот ведь... – ошарашенно моргала круто подведенными глазами Нинка, потом, когда они уже почти скрылись из вида, опомнилась и загорлопанила: – А по какой сети-то, Николаич? Что за сеть? Я ведь не поняла ничего!

В ее растерянность ему верилось мало. Но не возвращаться же с объяснениями, в конце концов! Тем более что Мария того и гляди снова сил лишится. А дотащить ее он вряд ли сможет. И не потому, что девушка была достаточно высокой и совсем не хрупкого телосложения, а потому что проклятый камень снова омерзительно шевельнулся, полоснув по левому боку острой болью.

Володя не повел ее тем путем, которым сам сюда попал. Белым днем попадать под перекрестные взгляды любопытствующих ему очень не хотелось. Они сделали крюк в полкилометра и зашли в его заповедное закордонье совсем с другой стороны. Все то время, что они месили ногами крупку наметенного зимними ветрами снега, пробираясь окольными путями, Маша терпеливо плелась следом и молчала. Но стоило подойти к крыльцу его вагончика, как она вдруг строптивой жихаркой уперлась обеими руками в притолоку входной двери и отчаянно замотала головой.

– Ну что, опять? – не в силах более сдерживаться, заорал Володя, стараясь не корчиться от того, как тупой бритвой вгрызается ему в левый бок боль. – Чего ты головой мотаешь из стороны в сторону? Не хочешь идти?! Не надо! К черту! Вали отсюда! Я и так влип с тобой в историю! Теперь придется перед Витебским объясняться, а бесплатно это не делается!

Маша вдруг ослабила оборонительный упор руками и, изумленно заморгав ему прямо в лицо, еле слышно пробормотала:

– Так я вас об этом не просила.

– Не просила, конечно! А что, надо было дать им разорвать тебя на куски?! Сначала от души дать покуражиться, а потом позволить пустить тебя на ремни? Машка, ты знаешь хоть, что ты дура? – Последние слова он почти простонал, потому что въедливая боль сползла по боку в ногу и теперь у него отнималось колено.

– Знаю, – согласно кивнула она и уронила руки вдоль тела. – Идемте в дом. Вам плохо. Я вижу, что вам плохо. Идемте.

Самокритичность он уважал. Но всегда считал, что женщинам подобная добродетель не свойственна. Ему, во всяком случае, с такими встретиться не пришлось. Нет, мог кто-нибудь из них лицемерно воскликнуть, крутясь перед зеркалом накануне званого ужина: «Господи, какая я уродина!» Говорилось все это с одной единственной целью – выкружить у него пару-

тройку сотен долларов на очередной гарнитурчик либо туфли. Он вслушивался плохо в этот лепет, заведомо зная, что подобные дерзновения ему бы не простились никогда. А тут поди же ты... Согласилась, что дура. Может, все-таки судьба сжалилась над ним наконец и послала ему в Машкином лице надежду на тихую надежную заводь с уютным домиком, кучей ребятишек, умной верной супругой и тихой спокойной старостью? Нет, одно слабое место во всем этом уже было: сама же призналась, что она дура. К тому же что-то такое она там говорила о своем муже вчерашним вечером в заводском коридоре. Так что и верность под вопросом...

Н-да, Гарик точно его убьет. Либо пошлет ко всем чертям и перестанет носиться с его проблемами, как со своими собственными. А дело только-только сдвинулось с мертвой точки. Нет, наверное, дурак все-таки он, а не Машка. Или оба. Вот и не верь после этого в народную мудрость, что дурак дурака видит издалека...

Володя переступил следом за Машей порог. Запер дверь. Снял куртку, шапку, ботинки, все развесил и расставил по своим местам, старательно не замечая ее изучающего взгляда. Привычно смел снежный валик у двери, потревоженный их подошвами, и подоткнул овчиной дверь.

– Заходи, – буркнул он, абсолютно не имея понятия, о чем можно с ней разговаривать. Подвергать сейчас анализу последние несколько часов ему хотелось меньше всего, оттого глубоко внутри проклюнулось и начало разрастаться сизой плесенью по организму глухое недовольство собой. – Тапочек запасных у меня нет. Придется шагать к тебе и брать тапки. Есть такие?

– Были, – кивнула она и одним ловким движением освободилась от резиновых сапог и телогрейки. – Но после того, что там... там произошло, я не могу...

– Что не можешь? – Раздражение начало набирать обороты. – Сходить к себе в комнату и забрать свои вещи не можешь? Кому же ты их подарила? Этой дамочке с физиономией хорька? Или в сэконд-хенд отправила?

Она снова оторопело заморгала и опять резонно парировала:

– А это не ваше дело.

– Ага, вот так вот! Значит, так мы умеем разговаривать!

У него уже болело все тело: сердце, печенка, ноги, руки. Он подозревал, что губы его превратились в две обугленные желчные нитки, а язык сейчас напоминал раздвоенное жало змеи. Но позволить боли взять верх над ним он не мог. Не мог позволить ей глумливо опрокинуть его на глазах у этой долговязой девицы на диван и заставить корчиться и стонать, стонать от боли и холодного ужаса перед этой болью, которой, казалось, не будет конца.

– Вам надо лечь, – спокойно сказала Маша, и ее холодные пальцы вцепились ему в запястье. – Идемте. Вам совсем не обязательно корчить передо мной героя. Всю глубину ваших душевных качеств я уже успела оценить по достоинству. Что это – язва?

– Ка-амень... – Володя, сцепив зубы, шел за Марией, почти не видя нелепого очертания ее фигуры в огромных портках и длинном, вытянутом в разные стороны свитере. – Ка-амень в поч-ч-чке. О черт, я сейчас издохну! Скорее бы уже!

«Вот они, мужчины! – Ироничная улыбка еле заметно скользнула по ее губам. – Где бы им еще и родить... Это точно был бы конец света...»

Она едва не волоком дотащила Володю до его спальни, где огромным парусником белела неприбранная постель. Аккуратно закинула его ноги на простыню, так как он, едва почуввав подушку, сразу обмяк и кулем свалился навзничь, сняла тапочки и тут же укрыла одеялом до подбородка. Потом присела на маленькой табуреточке в изголовье и устала на него с любознательностью первоклашки, изучающей кляксу на девственно – белом листе своей первой тетрадки.

Выглядел Володя паршиво. Щеки побледнели до синевы. Темнота под глазами светилась сизыми полукружьями, словно он по странной прихоти облачился в солнцезащитные очки.

Губы побелели, и их разом обметало. Дышал часто и коротко. Видимо, каждый вдох отдавался коликой в почке и потому он старался делать это очень осторожно. Ему было больно. И Маша не без изумления вдруг почувствовала, как в промерзшей ее душе шевельнулось что-то такое, что отдаленно напоминает жалость. Каких-то полчаса назад она боязливо разглядывала этого человека и силилась угадать, что именно сподвигло его на опрометчивый поступок, граничащий с глупостью. Страх, неверие, и вдруг – жалость... Она и правда дура. А точнее – кошка. Бездомная облезлая кошка, вопящая от страха и одиночества в подворотнях и ищущая себе любого пристанища. Стоило этому незнакомому, в сущности, человеку лишь немного постараться, как она уже готова ластиться у его ног, заискивающе мурлыкать и заглядывать в глаза. Ну, может быть, и не совсем так-то уж, но помочь очень-очень хотелось.

– У вас есть баралгин? – решила она на вопрос и тихо тронула его за плечо.

– Что? – еле просипел Володя и слегка приоткрыл лихорадочно поблескивающий левый глаз.

– Баралгин у вас есть? Это обезболивающее такое, достаточно сильнодействующее.

– Да-да, знаю, слышал... Не знаю, есть ли, нет. Нужно в аптечке посмотреть. Там, где-то на книжных полках. Поищи, а то я сейчас точно издохну.

Баралгин нашелся минут через пять суматошных поисков. Падали на пол какие-то глянцево-журналы, дразня на разворотах загорелыми женскими задницами. Автомобильные каталоги осыпались ворохами, ненавязчиво предлагая заграничный комфорт, сверкающий лощеными, словно у дельфинов, боками дорогих машин. Альбом для фотографий ей встретился всего один, и Маше до зуда в ладонях хотелось полистать его. Но за спиной, стиснув зубы, стонал и метался ее спаситель, и ей приходилось спешить.

– Вот, выпейте сразу две. – Она протянула ему на узкой ладони две таблетки, в другой руке держа кружку с водой. – С одной лучше не будет...

Володя принял лекарство, отвернулся от нее на правый бок, и тут же его голова с коротким ежиком русых волос скрылась под одеялом.

– Конечно, конечно... – тихо молвила Маша в его свернувшуюся бубликом спину. – Поспите... А я пока расставляю по местам все ваши журналы.

На самом деле ей не терпелось полистать альбом фотографий, на который она наткнулась, разыскивая аптечку.

Небольших размеров, с твердыми темно-синими обложками и с золотым тисненым экслибрисом в верхнем правом углу. Маша села с ним на диван, положила на колени и несколько мгновений поглаживала гладкие корочки, не решаясь перевернуть их. Ей самой не очень нравилось непрошеное вторжение в чужую жизнь, но коль уж так распорядилась судьба и все считали своим долгом вмешиваться в ее жизнь, то чего уж ей-то...

Она открыла альбом, несколько минут недоуменно моргала, потом долго листала его, снова и снова возвращаясь к первой странице.

Фотография была всего одна. Большой, на всю страницу портрет женщины. Красивой женщины... Нет, не так. Это был портрет божественно красивой женщины. Фотограф, снимавший ее, несомненно, должен был быть безумно влюблен в нее. Задний план, свет, поворот головы – все было продумано до мелочей и очень выгодно оттеняло ее красоту. Это мог сделать только человек, влюбленный либо в свою профессию, либо в женщину. Маша подозревала, что профессия здесь ни при чем. Смотреть на эту даму и не заболеть ею было просто невозможно.

Пронзительные черные глаза, высокие скулы, изумительной формы тонкий нос с трепетно нежными дужками ноздрей, и рот... Господи, даже евнух возжелал бы припасть к этим сочным капризным губам и впиться в них в жажде испить до дна всю красоту их сладкого яда.

Нет, не ревность и даже не зависть забурлила в ее груди в тот момент, когда она захлопнула альбом и осторожно пристроила его поверх стопки журналов. Какой-то непонятный стыд, сожаление и еще робкое желание рассмотреть себя в зеркале. Будто оно могло отразить что-

нибудь новое, а не ее темные невыразительные глаза с запущенными бровями и стрелчатыми ресницами, которые ни одна крутая тушь не способна была загнуть вверх. А нос?! Боже, Маша ненавидела его всем сердцем. В его «милой курносости», как определяла для себя ее мать, Маше виделась картошка. А в тонких, будто обведенных слабым розовым карандашом, губах, вопреки материной «аристократичности», угадывалась безвольная нетронутость. Что уж говорить о волосах... Разве могут ее серые патлы, летом выцветающие отдельными пегими прядями, сравниться с блестящей шевелюрой черноволосой красавицы? Нет, не станет она смотреться в зеркало. И спрашивать о ней она ничего не станет, когда он проснется. Не потому, что прав на это у нее никаких не имеется, а потому, что глупо задавать вопрос, на который заведомо знаешь ответ.

Почему-то Маша была уверена, что эта красавица приходилась ему женой. Причем женой горячо и преданно любимой. Оттого и не нашлось в альбоме рядом с ней места никому из его друзей и близких. Там на этих пустых, нетронутых страницах царил только она. И только она царил в его сердце.

Почему же тогда он здесь? Почему не рядом с ней? Вопросы, вопросы, вопросы... Будет ли когда-нибудь конец им, наступит ли когда-нибудь ясность?..

Осторожно ступая, Маша подошла к нише, ведущей в его крохотную опочивальню, и прислушалась. Дыхание ровное и достаточно глубокое, значит, боль отступила. Спит... Ну и пусть себе спит. О чем и как с ним разговаривать, она пока представляла с трудом. Как с трудом представляла возможность совместного проживания в этом крохотном вагончике. Хотя спать она вполне смогла бы и на диване, его даже раскладывать нет необходимости: сиденье достаточно мягкое и широкое. Другой вопрос: найдется ли у него подушка с одеялом и сменной белью. Все ее имущество, уцелевшее в кровавой вакханалии, было добросовестно разворовано еще ночью. Той самой ночью, которую она провела в многочасовых допросах, а потом корчилась на узкой Нинкиной койке в ее комнате. Утром оказалось, что плomba с двери кем-то сорвана, а все, что подверглось милицейской описи, подверглось позже набегам алчных соседей. Ни денег, ни относительно приличных вещей Нинка там не нашла. Хотя могла и соврать...

Маша оторвала взгляд от его спины и снова огляделась. Чисто, тихо и вполне уютно. Все это она научилась ценить – покой, тишину. Когда никто не старается залезть тебе в душу. Не теребит с решениями. Не торопит с действиями. Хорошо бы случилось так, что ей вдруг повезло с ним – этим современным рыцарем...

Маленький холодильник, больше напоминающий тумбочку, был почти пуст. Десяток яиц, два перемороженных окорочка и ополовиненная коробка сметаны. В отделении для фруктов, правда, корчилась в предсмертных муках пересохшая морковка и луковица, пустившая длинный-предлинный хвост зеленых стрелок. В навесном шкафу нашлась горсть риса и упаковка вермишели быстрого приготовления. Маша убрала вермишель подальше. Слишком уж скептическим было ее отношение к подобного рода гастрономическим удобствам. Кофе три в одном, бульонные кубики со вкусом свинины или курицы. Никакие пищевые добавки, хорошо сдобренные химикатами, не способны заменить кусок хорошо прожаренной отбивной или зажаренной в духовке курицы.

Быстро разморозив окорочка в кастрюле с горячей водой, она освободила мясо от костей и мелко его порубила. Бросила все это в глубокую сковороду с растительным маслом, накрыв сверху измельченные овощи. И спустя полчаса засыпала все это рисом. Это, конечно же, не было пловом. Тем пловом, который они так любили стряпать с матерью, но все же это было лучше, чем столовая еда, при воспоминаниях о которой к горлу подкатывал неизменный тошнотворный комок.

Еда поспела. Тарелки были извлечены из сушки. Чай вскипел и был заварен. Маша нарезала хлеб, аккуратно уложив его в мелкой плетеной сухарнице, в которой хозяин хранил отравившиеся и вовремя не пришитые пуговицы. Придирчиво оглядела накрытый на две персоны

стол и решительно пошла будить персону номер один. Болезнь болезнью, а кушать надобно всегда. К тому же и она не железная. Обеденный перерыв пропустила, перенервничала, пока готовила, слюной исходила, и терпеливо ждать теперь, когда он соизволит открыть глаза, было выше ее сил.

– Эй, проснитесь! – Маша склонилась над согбенной под одеялом фигурой хозяина и прислушалась: дышит, конечно же, дышит. – Давайте просыпайтесь! Будем ужинать. Время близится к вечеру, а мы с вами еще и не обедали. Вы слышите меня?

Володя пробормотал что-то нечленораздельное, еле заметно шевельнулся под одеялом и тут же потянулся, комично, словно на физзарядке вытянув руки и ноги. Потом перевернулся на спину и, не открывая глаз, ухватил ее за затылок. Привлек к губам ее голову и жарко зашептал в самое ухо:

– Катка-а, сладенький мой... У-у-ум-м, какая ты... Иди ко мне сейчас же! И прекрати упираться, а то отшлепаю. Я так соскучился, иди ко мне немедленно.

И он что-то еще говорил и говорил. Быстро, красиво и требовательно. Говорил и тянул ее на себя. Маша не знала, что и делать. Опершись руками о край дивана и изо всех сил стараясь не свалиться, она лихорадочно соображала.

Он спит! Точно спит! Спит и видит сон, в котором принял ее – Марию – за свою жену. Стало быть, ее зовут Катериной. Надо было срочно разжать рот и развеять его иллюзии относительно собственной персоны, не идущей ни в какое сравнение с его «милой, родной Катенькой». Но язык, как на грех, сделался вдруг деревянным и никак не хотел шевелиться. Губы дрожали и не слушались, руки от напряжения онемели. Еще мгновение – и он сломит ее сопротивление. Она упадет. Упадет и испугает его. Она же совсем-совсем не умеет быть грациозной. Терпеливой, молчаливой, гордой – это да. Да какой угодно, но только не красивой и не грациозной. Вот сейчас она ухнет на него и спугнет его красивый бред. Вот стыдоба-то! Надо было срочно что-то делать...

– Катенок мой... – простонал в последний раз Володя и открыл глаза.

В следующий момент его замутненный сном взгляд сделался испуганно-безумным. Рука, все еще продолжавшая крепко сжимать Машин затылок, мгновенно разжалась и безвольно упала на диван. Колени подтянулись к животу, и тут же, простонав что-то сквозь зубы, Володя отвернулся от нее.

Маша выпрямилась и только тогда перевела дыхание. В голове все ухало и стучало. Щеки горели нещадно, руки подрагивали. Но более собственного смущения, которое ей не так уж легко было согнать с себя, ее беспокоило его безмолвие. Уж лучше бы накричал, чем выставить ей на обозрение свою согбенную горем спину. Она знала в этом толк, точно знала и безошибочно угадала по испуганному взмаху его ресниц, как больно ему далось пробуждение.

– Идемте ужинать, – со вздохом произнесла Маша, несколько раз повторив эту фразу про себя, прежде чем решилась сказать ее вслух. – Все остывает.

– Иди ко всем чертям, – отозвался он с вполне милой интонацией.

– Только недавно как оттуда, собственно говоря, – печально ухмыльнулась Маша, вспомнив заводской тупик, и решительно потянула с него одеяло. – Я совсем не хотела красть ваших снов. Я пришла позвать вас покушать, а вы вцепились мне в волосы и...

– Не нужно мне об этом говорить! – Володя сбросил с себя одеяло и, приняв низкий старт, рванул в кухню. Маша поспешила следом. А ну как, движимый порывом, хлопостнет сковородкой об пол. Плакал тогда ее ужин. В магазин сейчас не выбраться, к тому же не с чем. Просить у него денег она не станет. Поэтому летела за Володией стрелой, зорко отслеживая каждый взмах его руки. Но он пролетел мимо накрытого стола и спустя мгновение уже хлопал входной дверью.

Раздетым на мороз – и это с больными-то почками! Н-да... Ситуация из разряда запущенных. Бедная, бедная Катенька. Пришлось, наверное, повоевать с этим господином, отстаивая право на дрейф в его территориальных водах.

Володя вернулся быстро. Вымыл руки над помойным ведром. Тут же сел к столу и потянулся к куску хлеба.

– Чего уставилась, присаживайся! – буркнул он и принялся щедро наваливать себе рис из сковородки. – Пахнет вкусно. Сама готовила?

– Нет, по соседям прошлась, – едко парировала Маша, седлая вторую табуретку и тоже накладывая себе.

– Ладно, извини. – Володя неловко, словно стесняясь, тронул ее за плечо. – Так вышло... Я спал. Приснилось, понимаешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.